

книга первая

РАНЕННЫЙ АЛЕППО ОХОТА НА ВОЕНКОРА

Александр Коцюба

Александр Коцюба

**Охота на военкора.
Раненый Алеппо**

«Автор»

2024

Коцюба А. Л.

Охота на военкора. Раненый Алеппо / А. Л. Коцюба — «Автор»,
2024

Илья, будучи опытным корреспондентом, в составе сборной группы журналистов российских телеканалов направляется в Сирию для подготовки репортажей о военном конфликте на Ближнем Востоке. Никто не обещал спокойной командировки, но работа на передовой окажется слишком опасной. Он очень быстро понимает, что каждый день работы в Алеппо - это испытание воли. Илья, как и каждый из его коллег, боится за свою жизнь, но профессионализм и командный дух журналистов становятся опорой выживания в сложнейших условиях войны. Каждый репортаж – это поступок, а то и подвиг. Реальность войны для Ильи и его коллег оказалась простой и понятной: враг – везде, опасной может быть даже тишина. Спасительным в такой ситуации становится юмор: сермяжный и доходчивый. Страх нет! Есть работа! Работа военного корреспондента.

© Коцюба А. Л., 2024

© Автор, 2024

Александр Коцюба

Охота на военкора. Раненый Алеппо

ОХОТА НА ВОЕНКОРА

РАНЕНЫЙ АЛЕППО

КНИГА ПЕРВАЯ

НАЧАЛО...

В этот день, как обычно, он сидел за своим рабочим столом и пялился в монитор компьютера, читая и анализируя ленту новостей, поступавших со всего мира. Илья – обычный российский репортер, трудившийся в крупнейшем телевизионном информационном холдинге страны. Лет ему было за сорок, поэтому в профессиональной тусовке он уже считался старичком, пятки которого давно «оттоптали» более молодые, наглые и амбициозные корреспонденты. Журналистская братия в Москву испокон телевизионных веков слеталась со всей страны и тянула всю информационную политику, культуру и спорт любимого Отечества. Илья тоже когда-то, по информационным меркам, давным-давно, приехал в «белокаменную» из провинции. И вроде бы покорила столицу, как тогда было модно говорить в их среде. За эти 15 лет московской жизни, где он только не работал и с кем только не сталкивался по работе. Впрочем, звёзд с неба не хватало и огромными гонорарами балован не был. Трудился, как мог, стараясь выполнять все требования редакции. Ему нравилась эта нервная и напряженная работа. Телек, как наркотик, обволакивал его сознание, заставляя выкладываться на полную катушку.

Но время шло, меняя всё и всех на своем пути. Информационная картина страны и мира тоже менялась. События на Украине: вся эта «оранжевая» революция и госперевороты в прямом эфире приковывали к экранам телевизоров всех, Илью в том числе. Ему уже не хотелось креативить и выдавать на-гора какие-то виртуальные сюжеты. Он рвался в эфир, потому что видел, как его друзья, знакомые и бывшие подчиненные, окрылившись и ставшие за время его рекламного марафона настоящими профи телевизионной журналистики, делали, зачастую рискуя жизнью, настоящие информационные шедевры. Илья в какой-то степени даже завидовал этим молодым парням и девчонкам, которые, казалось, без страха бросались в самую гущу кровавых событий, мастерски ведя свои репортажи из самого логова беснующейся и рыгающей «майdanовской» черни. Как вместе с женщинами, стариками и детьми прятались они в промерзших землянках Донбасса от падающих бомб и снарядов украинской армии! Он всем сердцем переживал события и тоже хотел вернуться в репортерский строй, чтобы говорить и показывать ПРАВДУ... Так и случилось: в сентябре 14-го его вновь приняли в телевизионную команду, и с того момента на все события он выезжал с обязательным для любого телерепортера микрофоном, оформленным в стиле определенного новостного канала...

Сейчас за окном светило яркое солнце. Был конец июля две тысячи шестнадцатого года, Илья только вышел из очередного двухнедельного отпуска. Он пялился в монитор, восстанавливая навыки работы в специальной компьютерной программе. Как, например, правильно оформить текст сюжета, чтобы он тотчас же оказался у шеф-редактора выпуска. Нет, Илья, конечно, не забыл за каких-то две недели всё, чему научился в новостях, но кое-что всё-таки нужно было вспомнить. Да, и новости дня тоже почитать не мешало бы, ведь в любой момент могла прилететь команда от начальства, срочно написать сюжетец под эфир. По привычке засучив рукава своей белой рубашки, отдохнувший телевизионщик втягивался понемногу в рабочий процесс.

Он даже не заметил, как к нему подошел коллега – известный и очень грамотный журналист.

– Здорово, Илюха! – встав справа, негромко произнёс он. Илья наконец оторвался от монитора. Повернулся и расплылся в улыбке, поднимаясь и разворачиваясь к собеседнику:

– Андреич, привет!

– Короче говоря, – продолжил коллега, – тебя хотят в Сирию отправить. Причем в самое ближайшее время. Я только что от начальства, там о тебе говорили.

– Ну, слава Богу! – выдохнул Илья с ещё более довольным видом.

– То есть ты готов?

– Конечно! – едва не закричал от радости Илья. – Наконец-то! А то я уже подумал, что без меня все обойдутся.

Через три дня на взлётно-посадочной полосе одного из подмосковных аэродромов собралась группа журналистов. Рядом, в нескольких метрах от трапа пассажирского самолёта, лежали сумки и большие рюкзаки с вещами, здесь же телевизионное оборудование и видеокамеры. Ребята весело общались, то и дело пожимая руки или похлопывая друг друга по плечам. Сразу видно – старые друзья. При этом каждый из них представлял разные телеканалы или информационные издания. Это были военные корреспонденты всех ведущих российских средств массовой информации. Кто-то из них в камуфляже, очевидно, понимая, куда именно отправляется, но большинство были в джинсах и в майках. В конце июля в столичном регионе было очень тепло. Среди них был и Илья. В его группу входил оператор Виктор, высокий и худощавый мужчина, лет пятидесяти, а также звукоинженер Геннадий, крепкий, среднего роста молодой человек, лет тридцати.

– Думаю, к полуночи прилетим, – уверенным голосом сказал Виктор, подходя к Илье. – Ты уже летал туда?

– Да, я был пару раз в прошлом году и осенью четырнадцатого, – ответил Илья, – но тогда я летал бортом МЧС, на Ил-76: мы «гуманитарку» возили. Летели, помню, часов шесть.

В этот момент к группе журналистов подошел подполковник и громко сообщил всем, что через пять минут можно будет загружаться в самолёт, только сначала на борт поднимутся офицеры, которые тоже летят в Сирию.

Пропустив группу людей в форме, репортеры начали подниматься по трапу. Шли медленно, мешали тяжелые сумки с аппаратурой... Но погрузились довольно быстро, без лишних проволок. Илье, на удивление, досталось место в начале салона, причем не одно, а сразу три свободных места, которые легко превращались в своеобразный диван, лёжа на котором, можно было вполне комфортно вытянуть ноги. Обычно на военном борту такой роскоши «днём с огнём не сыщешь»: сидеть приходилось, что называется, друг на друге. А здесь, пожалуйста, все удобства. Впрочем, у столь щедрого подарка судьбы оказались и серьёзные изъяны, всю полноту которых Илья ощутил чуть позже, во время полёта. Но сейчас развалившийся на креслах репортёр об этом не думал. Он наблюдал через иллюминатор, как самолет отрывается от полосы, быстро набирает высоту и несётся вперёд, туда, где всех пассажиров этого спецборта ожидает что-то новое и ужасно интересное...

Яркое солнце резало глаза, поэтому Илья опустил шторку иллюминатора, снял свои кеды и закрыл глаза, в надежде уснуть:

– За пять часов можно выспаться, – пробормотал он себе под нос...

Пассажиры в салоне тоже дремали. Правда, все они: и офицеры, и коллеги – журналисты – были в менее привилегированных условиях: каждый сидел на отдельном месте, как в обычном пассажирском лайнере. И максимум, на что они могли рассчитывать, так это вытянуть ноги под впредистоящее кресло.

Немного поворочавшись и приняв удобную позу, вновь закрыл глаза и быстро задремал...

Проснулся Илья от резкого удара. Самолёт затрясся, словно это и не современный лайнер, а какой-то старый советский ЗИЛ, мчавшийся по кочкам на бешеной скорости.

Через несколько секунд тряска закончилась и самолёт продолжил свой размеренный полёт. Но спать Илья уже не хотел. Через открытый иллюминатор он увидел серебряную россыпь звёзд. Эти светила, совсем маленькие и покрупнее, почему-то напомнили ему лучики света, пробивающиеся сквозь чёрную ткань, расстрелянную из пулемёта... Рассматривая витиеватые кружева ночного неба, репортёр не без тревоги думал о том, что ждёт его впереди. Чем обернётся для него эта командировка на войну?... Самолет тем временем сделал очередной круг над светящимся ночными огнями городом и пошел еще на один виток.

«Видимо, лётчики боятся атаки боевиков с земли, поэтому кружат над городом. При этом свет в салоне погасили заранее и снижаются в абсолютной темноте, чтобы не привлекать внимания с земли», – молча рассуждал репортёр.

Примерно через полчаса таких кружений Ил-62 с российскими журналистами на борту благополучно сел на аэродроме Хмеймим, базе российских ВКС в Сирийской Арабской республике.

– Ну, вот! «Ровно полночь», – радостно произнёс Илья и, поднявшись со своего «дивана», принялся неспешно доставать вещи с верхней полки....

– Здорова, парни! – зазвучало радостное приветствие откуда-то из-за кустов, выполнявших роль забора, отделявшего взлётно-посадочную полосу от прилегающей территории.

Это был Алексей – корреспондент того же телеканала, на котором работал Илья. Собственно говоря, Илью прислали в Сирию на смену его коллеги, потому что Алексей уже отработал положенные ему два месяца командировки и должен был возвращаться домой.

– Здорова, Витя! – с распростёртыми руками уверенно зашагал Алексей в сторону оператора. С минуту они крепко обнимались, похлопывая друг друга по плечам. А потом, отойдя в сторонку, о чем-то тихо заговорили. Илья понял, что лишний в этом разговоре, поэтому не стал вступать в дружескую беседу.

Пока прибывшие разгружали вещи и складывали их в одном месте, к самолёту стали подходить «дембеля». Так, руководствуясь военной традицией, называли корреспондентов, которые уже отработали положенный срок командировки и ждали отправки домой в Россию. Братания и дружеские объятия охватили уже всю журналистскую компанию. Илья тоже с кем-то обнимался, с кем-то обсуждал текущие новости. Смена журналистских ПУЛов со стороны вообще походила на какое-то очень шумное и весёлое действие: все громко кричали, смеялись, и все время обнимались, словно закадычные друзья после долгой разлуки.

– Илюха, привет! – протянул руку Алексей. Илья подошел к нему вплотную и крепко пожал руку в ответ. – Я и не знал, что тебя мне на смену отправят, – улыбался Алексей.

– Мне и самому только пару дней назад сказали, что я еду сюда, – словно извиняясь, ответил Илья. – Сказали, что я лечу с Витей твою группу менять.

– Да я в курсе, – парировал Алексей. – Я вообще-то планировал еще на месяц задержаться, но видишь, как всё получилось, – его интонация выдавала обиду...

– Значит, я поработаю вместо тебя, – заключил Илья.

– Да-а-а... Вам сейчас несладко придётся, – многозначительно продолжил Алексей. – Я слышал, вас в Алеппо будут перебрасывать. Там сейчас все самые интересные события происходят.

– И что? – насторожился Илья.

– То, что боевики там кругом. Город в осаде, – отводя взгляд, заключил Алексей. В этот момент его окликнул кто-то из новой команды, и опытный репортёр поспешил в объятия приветливого друга...

– Значит, пойдём в самое логово зверья, – едва слышно пробубнил Илья, взвалил на плечи свой тяжелый рюкзак и направился в сторону подошедшего автобуса. Несколько минутами позже все прибывшие журналисты разложили свои вещи по салону так, что сами едва уместились на нескольких свободных сидениях военного ПАЗика.

На «взлётке» тем временем сбивались в большую кучу все «дембеля». Крича и улюлюкая, они позировали для финального фото на память о пребывании в Сирии. После очередного щелчка камерой телефона от группы фотографировавшихся отошел оператор НТВ и подошёл к автобусу с отъезжающей сменой.

– Парни! – громко крикнул он в открытые двери ПАЗика. – Аккуратней там! И помните – это не наша война, нужно вернуться оттуда живыми!!!

В этот момент двери закрылись, и водитель, сирийский солдат, с характерным скрежетом включил первую передачу, после секундной задержки автобус тронулся с места.

Жара, горячее море и безделье... Двое суток прошло с того момента, как новый журналистский ПУЛ заселился в пятизвездочный отель. Утром все вальяжно выходили из своих номеров и встречались в большом зале ресторана на завтраке. Еда была однообразной и скудной: много солёных и горьких оливок, такого же сыра. Только варёные яйца или омлет, сдобренный свежими помидорами и огурцами, радовали проснувшихся журналистов. Из фруктов были только яблоки. Чай в пакетиках и кофе непонятно из чего. Такой завтрак входил в условия проживания в гостинице, за остальное нужно было платить, поэтому все на завтраке старались быть. Потом все вновь расползались по своим делам.

Естественно, как это всегда бывает, стали формироваться команды по интересам. Здесь же, за завтраком, обсуждались планы на предстоящий день. После чего одни шли на пляж, окунуться, прежде чем солнце достигнет зенита и начнёт сжигать всё и вся, другие разбредались по номерам, в которых сутки напролёт молотили кондиционеры, поддерживая комфортные плюс двадцать – двадцать пять. Подкрепившись омлетом и перекинувшись парой фраз с коллегами, Илья забрал из номера дорожную сумку, в которую заранее положил все документы и деньги и отправился на пляж. На нем еще никого не было. Вся территория пляжа была заставлена огромными зонтами, отбрасывающими спасительные тени, и многочисленными плетёными лежаками для отдыхающих. Репортёр подошел к самому «козырному» зонту, установленному ближе всех к морю, бросил вещи с одеждой на лежак и быстро забежал в море.

К этому времени на пляже стали собираться отдыхающие. В основном это были большие компании из местных. Сразу видно, что все они люди небедные и без всяких ограничений в поседении, свойственных жителям Востока. Женщины, «от мала до велика», в бикини, мужчины спокойно сидят рядом. Единственное, что сразу выдавало в них восточную натуру, – кальян. Курят все, причём постоянно. Среди вырывающихся клубов дыма проворно снуют подростки с жестяными чашами на длинных подвесах-ручках, в которых тлеют раскаленные угли для кальяна. И так весь день...

– Блин, что за народ? – уходя с пляжа, бурчал себе под нос Илья, – в стране война, террористы людям головы режут в каких-то двадцати километрах отсюда, а тут пируют... Причем, здоровые мужики сидят. Шли бы Родину защищать, семьи свои, в конце концов.

– Илья, ты чего бубнишь? – окликнул его Виктор. Он направлялся к морю с полотенцем на плече.

– Да, ну их, вояки хреновы! – отмахнулся репортёр.

– А-а... Ты про «пир во время чумы»? – заулыбался оператор. – Так это здесь в порядке вещей: одни воюют, другие пируют – жизнь! Ты лучше скажи, как тебе водичка?

– Да, каша сплошная, – остановился Илья, – еще и грязь кругом, вообще за собой не убирают. Пляж, действительно, был очень грязным, кругом банки от пепси или спрайта, в море какие-то пакеты, остатки еды и фруктов. Купаться в такой тёплой сливной канаве не доставляло никакого удовольствия.

– Да, ладно, забей! – кладя руку на плечо Ильи, весело заключил оператор. – Пойдешь ещё купаться?

– Нет, я в номер, телек гляну. Здесь «Россию» показывают, надо новости посмотреть, – ответил Илья.

– Ну, как хочешь... А вечером поедешь с нами в город? – вновь спросил Витя.

– Поеду, куда ж я без вас-то, – весело заключил репортер и направился к входу.

– Кстати, – чуть громче окликнул оператор, обращаясь к отошедшему на несколько шагов коллеге, – ты в курсе, что завтра рано утром нас везут в Алеппо?

– Теперь в курсе, – ответил Илья, – и слава Богу, хоть поработаем.

– Значит, слушайте сюда!.. С этого дня я для вас – ум, честь и совесть нашей эпохи! – громко, выделяя каждое слово, командовал толстый полковник, стоя на ступени при входе в военный ПАЗик. В салоне сидели восемь журналистов, которым «посчастливилось» отправиться в Алеппо. Из соображений безопасности, военные решили переправить в осаждённый боевиками город, только по корреспонденту от каждого телеканала – пятерых человек и троих операторов. Условия работы в ПУЛе, по мнению офицеров, подразумевали умения операторов снимать общий видеоряд происходящих событий и послед передавать эти картинки на все российские федеральные телеканалы. Все возмущения и пожелания, высказанные репортерами накануне отъезда, военные так и не приняли.

– У меня приказ! – оправдывался перед погрузкой в автобус капитан Семён, огласивший список «участников экспедиции», – едут только пять корров и три оператора: Виктор, Вадик и Никита.

– А как же стендапы? – интересовался корреспондент, оператор которого не вошел в число «избранных».

– Ответы на все вопросы у товарища полковника. Я лишь должен доставить восемь человек, согласно списку, из гостиницы на аэродром Хмеймим!

– А чего он так орёт? – шепотом, поинтересовался у Ильи сидевший рядом оператор Витя.

– Авторитет наработывает, – лукаво шурясь, ответил репортёр. Коллеги синхронно заулыбались и, словно нашкодившие школьники, слегка опустили головы, прячась за спины сидевших впереди журналистов.

А полковник не унимался, продолжая чеканить свой доклад о мерах безопасности во время работы в Алеппо. А еще о том, что он здесь единственный командир, и все присутствующие обязаны его слушать и выполнять распоряжения по первому требованию. А тех, кто не согласен, он вправе оставить на базе с последующим докладом руководству о нежелании выполнять важную задачу. Собственно говоря, из этих нескольких фраз и состоял весь смысл грозного инструктажа бывалого вояки. Но, видимо, огромное желание напугать журналистов, подчинить их себе, превалировало в сознании полковника, и он всё командовал и командовал обескураженными гражданскими лицами.

– Что же ты так надрываешься, дружище? – думал Илья. Полковника он знал давно, не одну командировку отработали вместе. Где только не были: и на севере ракеты пускали, и на юге по астраханским степям вместе ползали, и в столице на пресс-конференциях пересекались. И всегда он казался таким простым, даже скромным, лёгким на подъём офицером. Всё время шутил и рассказывал байки из своей армейской жизни. Но тут как с цепи сорвался: орёт и какие-то глупости уже полчаса всем объясняет. Одно слово – чудит!

Полковник тем временем поднялся на самую высокую ступень прохода ПАЗика, словно до этого его не всем было видно, и продолжил ещё громче:

– Вы все будете делать только то, что я говорю! Если я дал команду не снимать, значит, никто не снимает. Если звучит приказ «НЕЛЬЗЯ!», это значит, что никто никуда не идёт!!! Это понятно? На несколько секунд в автобусе повисла пауза, но никто даже не пикнул.

– Я вижу, все меня понимают, это приятно, – попытался пошутить офицер. – Сегодня вы все в армии, и я ваш командир, – упорно чеканил он, – кому не нравится, выходите из автобуса...

Полковник был одет в полевую форму сирийского военного. Причина этого камуфляжа понятна без объяснений: предстояла поездка в район боевых действий, где на российских военных охотились террористы, особенно снайперы, которые с лёгкостью могли разглядеть в толпе солдат характерный тёмно-зелёный российский «камок» и выстрелить именно в того, кто был в него одет. Кстати, по расценкам того времени, жизнь каждого российского военнослужащего стоила не менее тридцати тысяч долларов. Деньги для воюющей Сирии огромнейшие. Об этом Илья узнал, как только попал в эту страну. Еще ему рассказывали, что за любого журналиста боевики платили от шестидесяти тысяч долларов... Так что, массовая мимикрия у военных была продиктована особенностями военного положения в чужой стране.

Автобус остановился метрах в пятидесяти от работающей «вертушки», и в этот момент полковник уже спокойным голосом произнёс:

– Берём вещи, выходим и грузимся на борт. Но вертолёт по какой-то причине не стал ждать журналистов, а медленно поехал прочь. Полковник от изумления не только изменился в лице, но вытянулся и даже попытался втянуть живот. Он поднял правую руку, словно провожая ускользающий борт, но так и не смог вымолвить слова. И только странный рык, переходящий в подобие храпа, вырвались из уст. Он посмотрел на сирийца-водителя, потом опять на медленно удаляющийся вертолёт, затем на Илью и развёл руками. Репортёр в ответ лишь сделал изумлённое лицо и покачал головой, мол, не в курсе происходящего. Офицер, молча, вышел из автобуса и направился в сторону другого вертолёта, стоявшего на «взлётке». А первый Ми-восемь благополучно докатился до отметки взлёт и оторвался от земли. Пока полковник что-то выяснял у подошедших лётчиков, взлетевший вертолёт мастерски наклонился на нос и быстро ушёл вперёд.

– Чего сидим? Кого ждём? – вновь закричал в дверной проём красный, как рак, полковник. – Это не наш борт, наш двести двенадцатый. Туда грузимся!

Возмущаясь и тихо ругая бестолкового офицера, репортеры неторопливо выбрались из автобуса. Полковник уже стоял возле вертолёта, на хвосте которого красовались большие цифры 2 1 2. Он несколько раз махнул ребятам рукой, и они потянулись по указанному адресу. Лётчики стояли возле машины, лица скрывали закрытые шлемы. Репортёры поздоровались с ними и быстро поднялись по маленькому трапу. Полковник замыкал эту «бубнящую» процессию и уселся на откидное кресло возле выхода. Минут через десять поднялись и пилоты с бортинженером, расселись по местам и принялись щелкать тумблерами на панелях в кабине.

– Ну, что пресса... к полёту готовы? – надевая лётный шлем, весело поинтересовался бортинженер. Невысокого роста темноволосый парень лет двадцати семи, не больше, взял какой-то продолговатый щиток и направился к правому борту салона. – Сейчас мы эту штуковину установим, и будем взлетать, – задорным голосом продолжил он. Это путешествие вам понравится, вот увидите. Надеюсь, летать все любят?

– Конечно! – оживились журналисты. – А садиться будем по афганскому сценарию? – поинтересовался у веселого лётчика Виктор.

– Всё-то вы знаете, – парировал бортинженер, – и всё будет замечательно! Сядем, как пчёлка на цветочек, вы даже не заметите. А цветочек у нас сегодня где?.. Правильно, – не дожидаясь ответа, продолжил лётчик, – цветочек у нас в Алеппо... Он закрыл специальным щитом какое-то отверстие в салоне вертолёта, зашел в кабину, и сел спиной к репортёрам.

– Что за афганский сценарий? – поинтересовался Илья у сидевшего рядом оператора.

– Ты что, не знаешь? – удивился Виктор.

– Могу предположить, но точно не знаю.

– Это когда вертолет подлетает на большой высоте к месту посадки, а потом резко, словно падая, опускается вниз. Так вертолётчики в Афганистане заходили на посадку, чтобы моджахеды их не сбили. Это очень сложная техника пилотирования. Только настоящие профессионалы могут таким способом сажать свои боевые машины. Особенно зрелищно такая посадка выглядит со стороны: «вертуха» начинает вращаться вокруг своей оси и быстро опускается. Очень сложный элемент.

– А ты видел такую посадку? – поинтересовался у Виктора кто-то из коллег.

– Да, снимал несколько раз. И даже садился, когда зимой мы в Хаму на съёмки летали. Аттракцион, надо сказать, захватывающий, – улыбнулся Виктор.

– А что, нас могут сбить? – послышался тихий голос из хвоста салона.

– Что за паника в начале пути? – строгим тоном заголосил молчавший несколько минут полковник. – Никто нас, нахрен, не сожёт! Летим спокойно, что за шарманку завели?

– Причём здесь шарманка? – не унимался встревоженный голос в конце салона, – нам же нужно знать, что здесь творится.

– Ничего здесь не творится! – торжественно прервал полковник. – Я сказал, летим хорошо, значит, будем лететь хорошо! И даже весело. Смотрите, вон, лучше в иллюминаторы, там сейчас красоту показывать будут. И не ссыте! Военные авиалинии понесут вас на высоте четыре тысячи метров над землёй, так что ни один дух до нас своей пукалкой не достанет. Полковник поднял указательный палец правой руки вверх, – даже если захочет. Но захотеть он этого не сможет. Ибо не фиг!!!! Я доступно объясняю? – обратился он ко всем.

Вертолёт плавно покатился по раскалённой полосе, и, проехав несколько метров, оторвался от земли. Он поднимался всё выше и выше, оставляя позади стоявшие на аэродроме российские Су-24, гражданские лайнеры и несколько боевых вертолетов. Сделав небольшой крюк над городскими кварталами, машина с журналистами на борту уверенно направилась в сторону сирийской пустыни. Репортёры внимательно следили за проплывающим однообразным пейзажем.

БОРОДАЧИ

По укатанной каменистой колее, поднимая громадный столб пыли, мчался белый японский пикап. По бокам его красовались чёрные надписи на арабском языке, окаймляющие перекрестие больших, слегка изогнутых сабель, а в месте, где кузов примыкал к закрытой кабине, трепыхался от сильного ветра рваный по краям чёрный кусок плотной ткани на импровизированном железном древке. Здесь же, в открытом багажнике, была вмонтирована зенитная установка, оба ствола которой обращены по направлению движения машины.

В железном кресле этой установки тряся, привязанный ремнями, бородатый мужчина в чёрном облачении. Возраст его понять было сложно: густая растительность покрывала практически всё его лицо, оставляя нетронутым лишь глаза да узкую полоску лба, а еще небольшую тёмную плюшку вместо носа. Во время быстрой езды по кочкам его мотало в разные стороны так, что казалось этот чудовищного вида «бармалей» вот-вот вылетит со своего места, но он держался, упираясь изо всех сил широко расставленными ногами в основание «зушки» и крепко вцепившись обеими руками за выпирающие части установки. Сразу видно – заядлый путешественник. В салоне пикапа, кроме него, были ещё трое бородачей: водитель, в такой же черной одежде, обмотанный пулеметными лентами, справа пассажир с крупнокалиберным пулемётом ещё советского образца, ствол которого торчал из открытого окна, а на заднем сидении вальяжно расположился главарь этой группы. Рядом с ним лежал Калашников с перевязанными чёрной лентой двумя обоймами, здесь же спутниковый телефон. Машину то и дело кидало из стороны в сторону, и явно недовольный этим обстоятельством вожак все время хватался то за автомат, то за телефон, не давая им упасть.

Главарем был молодой мужчина, лет тридцати пяти, тоже с длинной и густой бородой. На голове чёрная, плотно повязанная «арафатка», концы которой спускались на зелёного цвета

«разгрузку» с дополнительными магазинными патронами и несколькими гранатами. Настоящий «пёс войны»: ни подлинного имени, ни дома, ни родителей он не знал. Помнил лишь, как еще совсем маленьким мальчиком его привезли в какой-то очень бедный аул, где очень грозные дяденьки сказали, чтобы выполнял все их приказы, иначе Аллах очень рассердится и не примет его к себе. Там-то он и получил своё имя – Вахид, и вместе с еще несколькими мальчишками стал учиться стрелять, делать самодельные бомбы и резать головы. Сначала баранам, а потом, в процессе обучения, всем неверным... Мужчинам и женщинам, которых приводили в их лагерь наставники – «боевые братья», как они себя сами называли. Вахид всегда чётко и быстро выполнял все команды и распоряжения своих руководителей. И очень преуспел в науках. Его считали лучшим воспитанником, ни один из сверстников, а впоследствии и никто из старших учеников, не мог победить его в драке и в точности стрельбы из любого оружия. Особенно преуспел Вахид в минно-подрывном деле, а также в области добывания важной и даже секретной информации. Ни один пленный, попавший в руки подросткового «волчонка», не мог противиться его изощрённым методам «вытягивания» нужных сведений. Возможно, страх от предстоящих пыток «развязывал» обречённым языки, а может, и обещания всего, чего захочет жертва, которые Вахид давал не скупясь. Но он никогда не выполнял данных обещаний, предпочитая поскорей избавиться от разговарившегося собеседника. Залогом успеха палач считал свой огромный кинжал. В специальных зазубринах и с глубоким кровотоком, этот тесак одним своим видом наводил панический ужас. Вахид любил медленно доставать его из обтянутых толстой кожей ножен, а потом плавно водить им перед лицом жертвы, при этом злобно ухмыляясь и цокая ртом, восторгаясь игрой сверкающей стали. Этот кинжал вояка всегда держал при себе и пускал в дело при любой возможности, потому что это был подарок его любимого учителя в честь первой успешной операции.

Ещё в Афганистане, лет двадцать назад, когда ещё совсем юный Вахид вместе с несколькими смертниками ворвался в лагерь американских солдат и лично убил, а потом и обезглавил пятерых морпехов. На ликвидацию группы, которой тогда командовал один из опытейших боевиков, янки бросили элитный спецназ, ликвидировали всех соратников Вахида, а он сумел уцелеть и вернуться из той мясорубки, отделавшись лишь лёгкими ранениями. Именно тогда он стал командиром и получил из рук эмиссара свой огромный кинжал. Вручая его, учитель сказал, чтобы он всегда использовал клинок в борьбе с неверными, а еще подарил Коран в кожаном переплете. Это была небольшая и тонкая книжица, помещавшаяся во внутренний карман разгрузки. Страниц в ней было совсем мало, всего двадцать три, но в них расписаны все главные слова Аллаха, руководствуясь которыми надлежало поступать истинному воину, каким и являлся Вахид. По крайней мере, ему всегда там говорили воспитатели и старшие братья. Он умел читать, правда, с трудом, но молодому командиру вполне хватало этой красивой книги для познания своей роли в жизни. А если что было непонятным, то всегда можно было обратиться к любимому учителю за советом. Жаль только, убили его пять лет назад в Ираке, но место наставника занял другой проповедник, который давно уже благоволил Вахиду, подкидывая ему всё новые и новые важные задачи.

Вот и сейчас он ехал по сирийской пустыне в сторону Алеппо, где в блокаде оказались несколько тысяч его соратников: русская авиация никак не давала им вырваться из кольца, и это притом, что на помощь окруженным регулярно пыталось прорваться значительное подкрепление.

Примерно через два часа езды от базы боевиков в Идлибе до окраины Алеппо «джихад-мобиль» одного из самых одиозных полевых командиров «Джабхад Ан-Нусра» Вахида, прозванным за свою жестокость «Палачом», въехал в спутник Алеппо – город Хандарат. Не сбрасывая скорости, машина буквально пролетела мимо полуразрушенных зданий на окраине города и резво юркнула в огромное жерло пещеры. Здесь располагался штаб одного из ударных подразделений фронта «Ан -Нусры». Тысячи вооруженных до зубов ваххабитов укрывались

от авиационных ударов российских ВКС под толстенными стенами и перекрытиями в скале, пробить которые не была в состоянии ни одна, даже самая мощная, полутонная бомба.

Здесь же боевики устроили свой импровизированный госпиталь, где опраивались от ран сотни «лихих братьев». Тяжелораненых среди них не было – их оставляли на поле боя, а тех, кого в пещеру приносили полуживыми, добивали свои же чудо-лекари. Потом тела умерших соратников бросали в отдельный ров неподалёку от одного из входов. Тела убитых периодически заливали бензином и поджигали, а уже затем присыпали землёй. Так бородачи пытались бороться с жуткой вонью от гниющей на пятидесятиградусной жаре плоти.

В самой пещере, неподалёку от входа, прямо на сырой земле валялись наспех перевязанные какими-то грязными тряпками легко раненые боевики, а рядом стояла большая отара овец. Они в ужасе жались друг к другу, все время блея от страха. Бородатые мужики периодически подходили к несчастным овцам, хватали первую попавшуюся, бросали на землю и тут же пускали кровь, уверенно орудуя большими ножами. Готовили еду чуть поодаль, вглубине пещеры, причем процесс приготовления пищи порой состоял лишь из непродолжительного валяния в костре больших кусков мяса.

Ещё дальше стояли большие ржавые клетки, как в зоопарке, только вместо диких животных в них сидели рабы: женщины, мужчины, старики и дети, все вместе – очень худые, полураздетые и грязные, они обреченно молчали, стараясь не привлекать к себе внимания. Клеток с людьми было много, некоторые из них стояли друг на друге. Бородачи периодически подходили к ним, медленно обходя всю свалку и выискивая очередную жертву. Кого-то выводили, чтобы тут же избить или изнасиловать. Стоны, ругань, крики и предсмертные хрипы людей и животных перемежались с ревом моторов снующих пикапов и периодической стрельбой из зенитных установок по каким-то неведомым целям.

Пещера на несколько километров уходила вглубь, при этом была очень широкая, давая возможность с разных точек наблюдать за внешним миром. Таких «смотровых площадок» здесь было немало, а поскольку естественное укрытие находилось на возвышенности, километрах в семи от Алеппо, то вся восточная часть города вместе с близлежащими районами лежала как на ладони. С этих командных пунктов главари «Нусры» отдавали приказы своим подчинённым, отсюда они корректировали огонь и указывали основные направления ударов. Это была стратегически важная пещера всей обороны Алеппо – города, который ещё называли северной столицей Сирии.

– Здравствуй, брат! – с распростёртыми объятиями подошел к остановившемуся пикапу невысокого роста и крепкого телосложения бородач в увешенной гранатами разгрузке. – Слава Аллаху, ты приехал ко мне! Теперь мы возьмём этот город и очистим его от неверных, – крепыш расплылся в улыбке. Это был командир всей этой «бородатой гвардии», и он давно ждал приезда Вахида.

– Всевышний указал мне путь к тебе, брат мой, – выйдя из авто, восторженно приветствовал Вахид в ответ, – мы вместе наведем порядок на этой земле. Я давно хотел тебя увидеть, чтобы бить неверных вместе с тобой, Рахим!

Они несколько раз обнялись, после чего крепыш протянул правую руку вперед, любезно предлагая гостю проследовать в указанное направление.

– Ты, наверное, устал в дороге, брат мой? – медленно проходя мимо окруживших помощников и заместителей, поинтересовался крепыш.

– Дорога была непростой, русские самолёты могли в любую секунду выйти на нас, но мы прорвались, слава Аллаху, – с некоторой иронией ответил Вахид.

– Знаю, знаю, дорогой мой, но у тебя прекрасные воины, которые знают здесь каждую кочку. Пока они рядом, я спокоен за тебя. Кстати, пусть твои бойцы отдохнут как следует. Еда и лучшие женщины уже готовы, я приказал своим людям, чтобы проводили их, – крепыш лукаво улыбнулся.

– Благодарю тебя, Рахим! – учтиво произнёс Вахид – но...

– Да и тебе, брат мой, не мешало бы расслабиться, – оборвал его на полуслове крепыш. – Даже слышать ничего не желаю. Я, конечно, понимаю, что русские могут начать бомбить в любую минуту. Но уверяю тебя, дорогой мой, в этой пещере мы можем чувствовать себя вполне безопасно. Ни одна бомба этих шайтанов не пробьёт такие толстые стены. К тому же у нас есть часок другой на отдых. Если это можно так назвать, – крепыш подмигнул Вахиду. – Нам есть, что обсудить с глазу на глаз. А мои люди приготовили к твоему прибытию отличный подарок. Он медленно поманил его пальцем, прося нагнуться пониже, и прямо в ухо прошептал, – Мои друзья достали нам несколько совсем ещё юных девок. Крепыш повел игриво бровями и после короткой паузы подытожил, – Это русские девки... совсем юные... мы с тобой первые их попробуем. Он зло засмеялся и подтолкнул своего гостя рукой, заставив его ускорить шаг и идти перед собой.

– О, Рахим! – расплываясь в улыбке, бодро зашагал Вахид. – Ты знаешь, как поднять боевой дух брату по оружию. С таким подходом к делу я готов обсуждать любые вопросы.

– Я вижу, твой кинжал по-прежнему при тебе, – констатировал крепыш. – Значит, сегодня будет разговор по душам. Русские нам за все ответят, – ещё громче рассмеялся главарь пещерных бородачей.

– За моим кинжалом дело не станет, – констатировал Вахид. Он слегка замедлил шаг. – Тем более что мне нужно обсудить с тобой одну идею.

– Да что ты такое говоришь, брат? – не переставая ёрничать, продолжил крепыш. – Мы сейчас с тобой такие идеи утвердим, ни одна русская шлюха в обиде не останется, – уже громко смеялся командир. Шедшие за ним приближенные тоже заулыбались.

– Я не об этом, Рахим, – попытался оправдаться Вахид.

– А я именно об этом, – толкая в спину остановившегося гостя, веселился хозяин пещеры. Они шли по узкому коридору между каменными стенами и, пройдя метров пятнадцать, вышли в огромного размера пустоту в пещере. Дневной свет сюда не попадал, поэтому всё это пространство было освещено обычными лампами. Свет медленно переливался, сверкая то алыми лучами, то синими, переходя из зеленого в желтый и так далее. Посередине этой сверкающей пещеры был натянут своеобразный шатёр из ярких тканей и кожаных вставок. Справа и слева от входа стояли шестеро вооруженных охранников. Заметив вошедшего в пещеру командира, они выпрямились, изображая из себя подобие воинского приветствия. Из шатра доносилась едва слышная восточная музыка. Всё это было похоже на какую-то огромную цыганскую повозку, застрявшую посреди обожженных пламенем каменных стен.

– Так и живем... – лукаво прошипел крепыш и слегка наклонился, руками призывая гостя зайти внутрь этой палатки.

– Ты, брат мой, хорошо устроился, – оценил жилище Вахид.

– Что ты! Это моя походная комната для уединений. Здесь я иногда отдыхаю, и, конечно же, принимаю дорогих гостей. Вот когда мы освободим Алеппо, я тебе покажу, как должен жить правоверный мусульманин. – Прошу! – охранники раздвинули куски яркой ткани на входе, и они оба вошли внутрь, где Вахид увидел внушительных размеров стол, уставленный медными кубками и чашами с различными яствами и мясными деликатесами. В этот момент музыка заиграла чуть громче, и пока двое мужчин усаживались за стол, из-за ширмы выскользнули четыре полуголые девушки и начали эротично двигаться в такт восточным напевам. Вахид первым делом достал из ножен свой огромный тесак и положил на стол справа от себя.

– Узнаю мудрого воина, – одобрительно произнес крепыш, – я, пожалуй, тоже сегодня поиграю. Он щелкнул пальцами, и один из охранников пулей вылетел из шатра, но через несколько секунд вернулся и положил на стол большую, широкую и слегка изогнутую саблю.

– Сегодня мы обсудим все детали предстоящей операции, – звонко произнёс крепыш, взял трубку от массивного кальяна и глубоко затянулся. Вахид одобрительно покачал головой

и последовал его примеру. Бородачи сделали несколько смачных затяжек, не проронив при этом ни слова, только улыбались друг другу, выпуская изо рта клубы дыма....

– Пока я к тебе ехал, – начал Вахид, – видел вертолёт в небе. Это ведь русский борт?

– Да-а, – выдыхая очередную порцию дыма, захрипел крепыш, – русский транспорт. Они частенько летают над нашими деревнями из Латакии в Алеппо и обратно. Ты, наверное, хочешь спросить у меня, почему они до сих пор летают? – надменно улыбнулся Рахим, отложил трубку кальяна и потянулся рукой к блюду с жареной бараниной. – Так вот, я тебе скажу, что мои люди не могут сбить эти вертушки, потому что слишком высоко они летают. Эти шайтаны-лётчики ниже четырёх тысяч не опускаются, а я не могу из обычного пулемёта дотянуться до них. Пока не могу.... Но если ты, брат, поможешь мне, то дело выгорит, – он положил в рот внушительный кусок мяса и принялся медленно пережевывать его.

– Для этого я к тебе и приехал, – принялся вкушать пищу Вахид, – и приехал, как ты знаешь, не с пустыми руками. Вчера к тебе должны были прибыть пять с половиной тысяч моих бойцов – моих лучших бойцов. Крепыш в это время продолжал жевать, запивая всё водой с лимонным соком. А поскольку рот его был забит мясом, и ответить он не мог, то одобрительно качал головой.

– Я знаю, что ты принял моих людей, как полагается, – размеренно продолжал Вахид, – мой помощник доложил, что все воины сидят в укрепленных бункерах Хандарата.

Крепыш наконец проглотил кусок баранины, запил ее водой и быстро заговорил:

– А как иначе, брат мой! Всех принял, как полагается, сидят в обустроенных укрытиях, прямо под жилыми домами. Еда, вода, кальян, даже бабы – всё в избытке. Рабов у меня много, выполняют любую прихоть бойцов, им ведь скоро в бой.

– Это хорошо, что люди ни в чем не нуждаются, – заключил Вахид, – сегодня ночью прибудет еще одна колонна – три тысячи сабель. Итого, моих восемь с половиной тысяч бойцов и твоих.... Он замолчал, слегка нахмутив лоб, адресуя своим видом немой вопрос собеседнику....

– У меня девять тысяч триста сорок семь воинов. Правда, с вооружением плоховато; патронов мало, да артиллерия самодельная. Мои люди от своих шайтан-труб гибнут чаще, чем от сирийских солдат.

– С оружием помогу, – заверил Вахид. – Вместе с подкреплением идет колонна с новенькими американскими миномётами, есть и противотанковые установки. Получим все, что надо....

– И мины, и патроны со снарядами? – изумился крепыш.

– Всё тебе будет, брат... Прямо в масле, – глотнув из алюминиевой банки немного пепси, довольный Вахид откинулся на кресле, взял трубку от кальяна и глубоко затянулся....

Крепыш подал прислуживающим помощникам условный сигнал, и те сразу удалились. Полуобнаженные танцовщицы продолжали эротично двигаться в такт восточной мелодии. Вахид внимательно наблюдал за одной из них, что игривее всех двигала бедрами возле него.

– Так вот, что я думаю, – медленно, не сводя глаз с танцовщицы, заговорил Вахид, – надо бы сбить этот русский вертолёт, чтобы не маячил. Когда мы проезжали мимо одной из деревень, я видел довольно высокие холмы.

– Ты думаешь шмальнуть оттуда? – оживился крепыш.

– Именно оттуда. Вертолёт летел практически над этим холмом. Поставим туда «ТОУ», опытные стрелки у меня есть, и завалим этих шайтанов.

– Это хороший план, – затянулся кальяном крепыш, – их лётчики всегда летают одним и тем же маршрутом.

– Значит, как только придет конвой с оружием, мои люди возьмут «ТОУ» и отправятся на задание, – выдохнул Вахид, – я их сейчас лично проинструктирую.

– Не спеши, брат, успеешь, – осадил его рвение крепыш, – сейчас доставят сладкое.

В ту же секунду из-за ширмы, стоявшей в нескольких метрах от стола, вышли двое бородачей с цепями в руках. Они подошли к заранее установленному толстому деревянному столбу, в который по всему радиусу были вбиты небольшие железные крюки. Ближе к верхушке этого столба крепилась деревянная балка с двумя крюками гораздо большего размера. Эта конструкция была похожа на высокий и массивный крест. Один из бородачей взял стоявший неподалёку табурет, поставил его к столбу, встал на него, второй в этот момент подал конец цепи. Бородач продел его сквозь крюк так, чтобы цепь могла спокойно двигаться. То же самое он сделал с концом другой цепи. Немного подвигав цепями, словно вымеряя расстояние, бородачи закрепили концы каждой к основанию креста так, чтобы можно было регулировать расстояние свободного конца до земли. Под каждой свисающей цепью бородачи закрепили по два крупных капкана и быстро установили их в режим срабатывания. Бородачи не успели уйти, как из-за ширмы вывели двух голых белокурых девушек. Перепуганные до смерти девчонки, ревели, жались друг к другу, стараясь руками хоть как-то прикрыть свою наготу.

– А вот и наши красавицы, – слащаво зашипел крепыш, вставая со своего места, – смотри какие они еще... Он повернулся лицом к девчонкам и громко спросил по-русски:

– Дэвачки?..

Девчонки шарахнулись от него в сторону, но их вернул на место один из вооруженных охранников.

– Ай, какія нэ ласкавыя дэвачкі, – продолжал коверкать речь крепыш, – а гаварылі, што по-любвы к нам прыехалы... – он снова подал команду своим помощникам, которые заломили девушкам руки назад, надели на них наручники и подвели каждую к свисавшей цепи. Девчонки кричали и умоляли отпустить их, сквозь слезы жаловались на то, что им очень больно.

– Дяденькі, – взмолилась одна из них, – ну, пожалуйста, отпустите нас. Мы же сами к вам приехали, чтобы вместе с вами бороться за свободу.

– Ха, ха, ха, – хрипел крепыш, – что ты можешь понимать в борьбе, шваль? Смотри, брат мой, – обратился он к Вахиду, – эти русские девки сами захотели приехать сюда. Помнишь Хафеза из Стамбула? Это он познакомился с ними в интернете. Вот эта студентка из Москвы, а эта из Питера. Если бы ты слышал, какие любовные трели они пели Хафезу в своих письмах. Говорили, что готовы жертвовать собой ради всеобщего Халифата. И что??? Мы привезли их сюда, в самый центр борьбы с шайтанами, и теперь они пищат от боли...

– Да вы не знаете, что такое боль! – громко прокричал крепыш.

Охранники в этот момент зацепили наручники на запястьях каждой к свисавшим концам и дёрнули цепи так, что обе они согнулись, едва не повиснув на руках, скованных за спиной. Музыка при этом заиграла ещё громче, а полуголые танцовщицы стали двигаться гораздо энергичней.

Вахид, спокойно наблюдавший за происходящим, наконец встал со своего кресла, снял разгрузку, потом черную крутку, оголив торс. Затем быстро взял со стола свой тесак и направился к прикованным девушкам...

СПЕЦГРУППА

– Вот он, я его вижу, – глядя в бинокль, зло произнёс командир группы ликвидаторов – лети-и-и-т, шайтан! Он внимательно следил за приближающимся вертолётom российских ВКС.

– Ваха, ты видишь его? – обратился главарь к наводчику, который целил из «ТОУ» по вертолёту. – Я его достану, клянусь Аллахом! – уверенно ответил наводчик, не отрываясь от глазка прицела. Их расчет расположился на высоком холме, близ одной из деревень провинции Идлиб, немного правее курса летящего вертолётa. Опытные вояки заранее замаскировали пикап, на котором приехали на задание, и сами укрылись маскировочной сеткой, чтобы не привлекать внимания.

– Бей по ним! – скомандовал главарь.

– Сейчас... Сейча-а-а-с... – хрипел наводчик, не отрываясь от прицела. – Эти русские, как дети: летят на трех километрах, можно было на гору не лезть... Давай, давай... Иди сюда, сейчас я тебя поджарю. Он замолчал на несколько секунд и дождался, когда вертолет поравняется правым бортом с местом их засады.

– Аллах Акбар! – громко крикнул наводчик, и в ту же секунду из пусковой установки вырвался столб порохового дыма, а в сторону летящей цели устремилась сигарообразная ракета.

– Аллаху Акбар! Аллаху Акбар! – подхватил командир группы, пристально следя за удаляющейся ракетой. Она летела точно в цель.

Через несколько секунд сразу под лопастями вертолётного винта появились красные очаги пламени, и повалился черный дым. Вертолёт резко клюнул носом, закружился вокруг своей оси и стал резко снижаться. До бородачей долетело эхо от взрыва, и они еще громче закричали, стреляя из своих автоматов в сторону падающего вертолёта. Лётчики, по всей видимости, до последнего боролись с повреждениями, стараясь увести винтокрылую машину как можно дальше от опасного района. Но вертолёт «не слушался руля», быстро теряя высоту. Ещё минуту спустя машина рухнула на землю, подняв столб пыли, однако взрыва не последовало. Сломанные лопасти винтов еще какое-то время били рваным железом по земле, заставляя многотонную машину слегка дергаться на земле, но вскоре и это движение прекратилось, давая возможность осесть песку и пыли.

Выпустив по два рожка патронов в сторону падающего вертолёта, главарь ликвидатор и его наводчик побежали к замаскированному пикапу. Водитель уже выехал из укрытия и был готов взять пассажиров, чтобы срочно стартовать к месту падения.

– Аллах Акбар! Аллах Акбар! – перебивая друг друга, кричали мужчины, бегущие к вертолёту. В руках одних были старые Калашниковы, у других охотничьи ружья, но большинство вооружились тяпками, граблями да палками. Это были жители одной из деревень, возле которой упал российский вертолёт.

– Есть, кто живой? – крикнул светловолосый контрактник, державшийся окровавленными руками за голову.

– Ха-а-а-а, – хрипел откуда-то справа офицер в лётной форме.

– Я, вроде, цел – ответил другой контрактник.

– Давай выбираться, Миха! – медленно скомандовал светловолосый.

– Я пулемёт свой не вижу, Саня, – зашевелился Михаил.

– Хрен с ним, вон автомат чей-то, бери! Сейчас бородатые полезут, – медленно, по телам погибших, двигался в сторону разбитой кабины Александр, – бегу-ут, черти!

Вертолёт лежал на правом боку, и единственная возможность выбраться из салона была именно через кабину пилотов. Александр достал из кобуры мёртвого лётчика пистолет, щелкнул затвором и прицелился в приближающегося мужчину с автоматом наперевес.

– Подожди, – обратился к нему Михаил, – сейчас я подлезу, у меня автомат с двумя рожками.

– Давай, Миха, а то эти черти сейчас шмалять начнут!

Михаил с трудом подполз к Александру, обе ноги его были перебиты. Он тоже рванул затвор автомата и приготовился дать решительный бой. Но ребята не успели сделать ни единого выстрела. Местные крестьяне, окружившие вертолёт, открыли по нему шквальный огонь. Стреляли из автоматов и ружей, а безоружные просто кидали в машину камни...

Пикап ликвидаторов подъехал к месту расправы, когда местные вытаскивали тела. В нескольких шагах от вертолета лицом вниз лежал полураздетый светловолосый парень. Возле пробитой головы большой камень. Ещё в нескольких шагах другой полураздетый российский военный. На его спине прыгал бородатый мужчина в окровавленной длинной арабской рубахе.

– Аллах Акбар! Аллах Акбар! – кричал он, размахивая тяпкой.

Командир группы ликвидаторов схватил автомат и дал очередь в воздух. Все тотчас же остановились и обратили свои взоры на бородача в черной разгрузке и камуфляже.

– Я – Аббас, командир спецгруппы фронта освобождения, – закричал он, – это мы сбили русских. Но эту добычу я оставляю вам. Я хочу, чтобы вы сами разделались с этими неверными и скормили их голодным псам!

– Аллах Акбар! Аллах Акбар! – отозвались крестьяне и продолжили расправу.

Одни за ноги привязали погибшего лётчика к мопеду и повезли в сторону деревни. Другие принялись орудовать большими ножами.

Аббас достал маленькую видеокамеру и несколько минут снимал происходящее. Он навел объектив на вертолёт, потом на беснующихся мужчин, затем на своего наводчика, который стоял рядом и восторженно следил за происходящим.

– Вот он, наш герой! Наш ястребиный глаз! – торжествовал командир ликвидаторов, – мой Ваха сбил эту русскую ворону и теперь наслаждается своей победой. Сегодня он получит свою большую награду!

– Аллах Акбар! – радостно прокричал Ваха, выпустил в воздух очередную порцию пуль.

АЛЕППО НЕ ПРИНИМАЛ...

На территорию авиабазы въехал старенький внедорожник «Ниссан», а сразу за ним белый минивэн «Хендай».

– Та-а-ак! – громко скомандовал пузатый полковник, – слушаем все сюда! Сейчас надеваем бронежилеты и рассаживаемся в микроавтобус. Времени мало, поэтому действуем оперативно. Всем понятно?

– Поня-ятно, – нехотя отвечали журналисты.

– Нас девять человек, вместе со мной, – продолжил полковник, – места в автобусе всем хватит.

Журналисты резво занимали места в салоне минивэна. Илья вместе с еще одним репортёром сел впереди, у открытого окна. Коллега занял место по центру: между Ильёй и водителем.

– Козырное место забронировал, Илюха, – пошутил кто-то из коллег-журналистов, усаживающихся в салоне.

– С ветерком поедет, – подхватил полковник, – наиправейшая цель для снайпера... Шутка!

– Чему быть, того не миновать, – парировал Илья и захлопнул дверь.

– Все расселись? – громко обратился офицер.

– Да, сидим!

– Тогда трогай, садик! Яла, яла! – скомандовал полковник, обернувшись водителю.

Внедорожник сопровождения с тремя сотрудниками сирийских спецслужб «Мухабарат» тронулся с места, за ним последовал и минивэн с журналистами. Их путь лежал по неширокой асфальтовой дороге, ведущей в южную часть Алеппо – район Рамуси. На тот момент это была единственная транспортная артерия, связывающая осаждённый город с внешним миром. Но и этот маршрут не был безопасным. Боевики постоянно обстреливали дорогу из миномётов и самодельных артустановок, стрелявших газовыми баллонами. В некоторых местах извилистая трасса Рамуси пролежала совсем близко от позиций Джабхат Ан-Нусры. Самые опасные участки выделялись высокими брустверами вдоль полотна и заборами из пустых железных бочек на вершине. Все бочки были насквозь прошиты дырами от пуль – красноречивое подтверждение активной работы снайперов противника. Таких участков на Рамуси несколько, и чем ближе к городу, тем они длиннее.

– Советую всем надеть каски, мало ли что, – спокойно сказал полковник, защелкивая на подбородке крепление пуленепробиваемого шлема.

Репортёры все, как по команде, заёрзали на своих местах, доставая кто откуда защиту и закрепляя ее на голове. При этом ни один из них не произнёс ни звука.

Минивэн быстро ехал за внедорожником сопровождения, петляя по извилистой дороге. Асфальт здесь был, на удивление, ровный, даже не скажешь, что идет война, и эта трасса время от времени переходит из рук в руки. Чем ближе журналисты подъезжали к Алеппо, тем отчётливей были видны клубы черного дыма, поднимавшиеся с правой стороны по ходу движения.

– Интересно, что они там жгут? – громко поинтересовался Илья.

– Покрышки они жгут, – выпалил полковник, – «черти» думают, что из-за густого дыма наши самолеты не станут бомбить их позиции. Наивные дурачки. Это дымят восточные кварталы Алеппо – территория, занятая боевиками. Их там тысячи. И сотни тысяч мирных, которых бородатые держат в качестве заложников. Они в окружении сирийской армии.

– А они вырваться не пытаются? – поинтересовался оператор Виктор.

– Еще как, – продолжил полковник, – чуть ли не каждый день рвутся из кольца. А им навстречу то и дело пытаются пробиться друзья из Идлиба. Дорога Рамуси как раз на линии разграничения. Садыки всеми силами бьются за нее, но иногда случаются прорывы – подвёл итог ознакомительной экскурсии пузатый офицер.

– Надеюсь, сейчас «бородатые» не пойдут на прорыв? – спросил кто-то из коллег, сидевших сзади.

– А кто их знает, куда они там пойдут? – констатировал полковник, читая СМС-сообщение, пришедшее на его мобильный.

– Да-а-а, весёлая предстоит поездочка, – вполголоса произнёс Илья.

– Ага, оторвёмся на полную катушку, – с усмешкой поддержал его сидевший рядом коллега.

– О! Видите, впереди по правую руку полуразрушенное здание? – неожиданно обратился ко всем полковник, – это цементный завод. Он на территории боевиков, до Рамуси километра полтора. Там лёжка снайпера, так, что будьте предельно внимательны.

– Ха, и что нам теперь делать? – нервно поинтересовался один из сидевших сзади операторов, – давайте не поедем дальше.

– Что значит, не поедем? – нахмурил брови полковник, – едем нормально. Мухабаратчики знают, что делают. Надень каску и сиди спокойно.

– Надень каску, надень каску... – спародировал оператор, – надел я её!

Минивэн поравнялся с очередной полоской бруствера и понёсся вдоль стены из песка и камней. Такая конструкция должна была надежна скрывать от противника двигавшиеся по трассе автомобили.

– Н-да, из-за этих бочек, наверное, нас не видно, – ухмыльнулся сосед Ильи.

– Не знаю, не знаю, – усомнился в его версии Илья, – судя по тому, что каждая из них пробита пулями и осколками, далеко не раз, можно предположить, что такие нагромождения не очень-то и действенны.

– Не, ну обзору-то они явно мешают, – констатировал сосед.

– А с крыши этого цементного завода наш автобус, наверняка, как на ладони, – вклинился в рассуждения кто-то из коллег сзади.

– Хорош трюндеть! – оборвал их полковник, – сидите молча, сейчас приедем, немного осталось.

Сделав очередной зигзаг, микроавтобус выехал на открытый, без брустеров, участок и стал быстро приближаться к блокпосту. Несколько одноэтажных зданий и бетонный забор с правой стороны надежно укрывали дорогу от возможного снайперского обстрела. Машины сбросили скорость и неспешно подъехали к обложенной мешками с песком невысокой бетонной конструкции с бойницами по периметру, которая разрывала трассу на две полосы. Справа, машины медленно двигались в город, слева, катились обратно. Внутри конструкции на стуле сидел сирийский солдат, обмотанный пулеметной лентой, рядом стоял крупнокалиберный пулемёт. За этим укреплением, на разделительном острове, высились бетонные стены авто-

мобильного гаража. Внутри здания стояли несколько солдатских кроватей, на которых лежали бойцы. Неподалёку, в укрытии между толстыми стволами двух деревьев, стояла БМП-1. Машина, явно, старая и, судя по облупившейся краске да опалённой башне, побывавшая не в одной передраге.

Миновав блокпост и отъехав от него на каких-то сто метров, машина сопровождения, шедшая впереди автобуса с журналистами, резко затормозила. Следом за ней встал и минивэн. Навстречу мчались старые легковушки, непрерывно моргая фарами, предупреждая об опасности. Одна, вторая, третья машины пролетали мимо стоявших у обочины авто с россиянами. Наконец, из внедорожника вышел старший группы сопровождения – капитан сирийских спецслужб по имени Тарик. Его гладко уложенные и набриолиненные волосы сверкали под палящим солнцем так, что отражавшиеся лучи света напоминали подобие нимба над головой. Красавчик вытянул руку в сторону приближавшегося автомобиля. Машина остановилась рядом с офицером, и Тарик заговорил с водителем. Общение было недолгим, но невероятно эмоциональным. Мухабаратчик что-то кричал, размахивая при этом руками, указывая то в одну, то в другую сторону.

– Ну, все...приплыли! – язвительно и громко, чтобы все слышали, произнёс Илья. – Сейчас что-то будет.

– Без паники! – захрипел в ответ полковник. – Всё под контролем, сейчас наговорятся, и поедem дальше. До Алеппо меньше километра осталось.

– Они что, заблудились? – поинтересовался кто-то из коллег журналистов.

– Сидите молча! – оборвал полковник.

– Товарищ полковник, мы все-таки не в армии. Можно как-то повежливей, что ли? – вступился один из корреспондентов.

– Сейчас вы все в армии, потому что вы приписаны к пулу Министерства обороны России, – не унимался полковник. – И я отвечаю за каждого из вас. Так что вы обязаны выполнять все мои команды. Кто не согласен, может писать рапорт и сегодня же домой...

– Причем здесь домой? – начал заводиться корреспондент. Я говорю об элементарном уважении, мы все-таки одно дело делаем.

В этот момент Тарик буквально отпрыгнул от машины, с водителем которой он разговаривал, и быстро сел во внедорожник. Встречная легковушка с пробуксовкой сорвалась с места и молниеносно скрылась из вида. «Тойота» сопровождения тоже двинулась, но не вперед, а совершив резкий поворот, помчалась в сторону блокпоста. Удивленный водитель минивэна, глядя на проезжающего мимо начальника, медленно повернул ключ зажигания. Но мотор, несколько раз глухо булькнув, не завелся. И тут, метрах в трехстах левее по курсу, грянул взрыв. Столб черного дыма и пыли поднялся на несколько метров вверх. Еще пара секунд, и второй взрыв, но уже ближе метров на пятьдесят и правее от микроавтобуса с журналистами.

– Что за хрень? – закричали репортеры, судорожно оглядываясь по сторонам. – Валим отсюда быстрее! Что ты копаешься? Заводи свою колымагу и погнали! – требовали они, поправляя каски на головах.

Водитель старался изо всех сил завести машину, но стартер отказывался его слушать. Обстрел тем временем усиливался. Мины ложились одна за другой.

– Бьют далеко, – вполголоса заговорил полковник, – осколками до нас не достанут.

– А если достанут? – с усмешкой поинтересовался сосед Ильи. – Вы же говорили, что всё под контролем, скоро приедем.

В ту же секунду мотор минивэна грубо зарычал и после непродолжительного хруста наконец завелся. Водитель ловко включил передачу и, сделав резкий поворот, направил авто в сторону блокпоста.

– Гони на аэродром! – испуганно кричал один из молодых операторов.

– Никаких аэродромов! – скомандовал полковник. – Укроемся на блокпосте, это случайный обстрел. Духи просто решили пострелять по дороге. Сейчас успокоятся...

– Ты охренел? – орал на полковника молодой оператор. – Ты хочешь, чтобы нас всех здесь положили?

– Я ничего не хочу, – виновато пробурчал офицер, крепко схватившись за своё кресло.

Минивэн в это время подъехал к стоявшему возле бетонной постройки внедорожнику сопровождения. Водитель что-то спросил у Тарика. Тот рукой очертил в воздухе полукруг, давая понять, как действовать в данной ситуации, и микроавтобус, вновь резко развернувшись, остановился перед въездом в здание. Обстрел продолжался. Мины рвались со всех сторон, но теперь уже гораздо ближе к месту, где стояла машина с российскими журналистами.

– Всем оставаться на своих местах! – взял себя в руки полковник. – Из автобуса никто не выходит!

– Что за команды такие? – буквально кричал от страха молодой оператор. – Валить надо отсюда!

Полковник молчал, нахмутив брови...

– Вот видишь, уже совсем близко легла, – задорно констатировал сосед Илья.

– Да, кучно бьют, – согласился он.

Мины, действительно, рвались совсем близко, метрах в ста, а то и пятидесяти от блокпоста, сразу за бетонным зданием. Журналисты вслушивались в каждый хлопок, словно пытаясь определить расстояние и силу разрыва. В какой-то момент вдалеке, справа, зарокотал крупнокалиберный пулёмёт.

– Это духи из восточной части города рвутся, – констатировал полковник.

– Вот вы, блин, успокоили, товарищ полковник, – съязвил кто-то из репортёров. – А это, – кивнув головой в сторону очередной разорвавшейся мины, ёрничал он же, – им из западной части отвечают. Снаряд угодил в небольшую яму, сразу за трассой. Несколько осколков ударили в стену здания, за которым стоял автобус с журналистами. Наконец, из внедорожника обеспечения вышел Тарик и скомандовал водителю минивэна, чтобы въехал внутрь.

– А теперь можно выйти из машины? – поинтересовался Илья. – Очень уж в туалет хочется...

– Теперь можно, – немного подумав, согласился полковник. – Только из здания никто не выходит!

Журналисты высыпали из салона, оставаясь в помещении.

– Да-а... Здесь тоже не башкирский мёд, – усмехнулся Илья, указывая коллегам на крышу.

Длинные листы профнастила кислотно-синего цвета, уложенные внахлёт друг на друга, покрывали всю площадь бетонного строения.

– Такую крышу камнем пробить, раз плюнуть, не то, что миной, – поддержал Илью репортер Алексей. – Если прилетит сюда, поляжем в этом сарае, – хихикал он.

– Я говорю, валить надо отсюда... Как можно быстрее, валить! – мечась из стороны в сторону, ругался молодой оператор. – Какого хрена мы тут делаем, военный? Ты что, не слышишь, что духи долбят по нам?

– Сидим здесь, ждем окончания обстрела, – виновато бурчал в ответ полковник. – Сейчас всё закончится, поедем дальше...

– Куда дальше? – взревел оператор, – под мины?

– Действительно, товарищ полковник, – поддержали коллеги, – как мы дальше поедем? Там же бой идёт!

– Сейчас Тарик по рации выяснит обстановку, а там видно будет, – резюмировал российский офицер.

– Этот Тарик сам всего боится, – размахивая руками, сокрушался молодой оператор, – что он там узнает? Кому из бородатых нас привезти, чтобы дороже продать? Сколько здесь за голову журналиста платят?

– Я слышал, за иностранного журналиста бородачи платят шестьдесят тысяч долларов, – едва слышно сказал Виктор. Он неспешно достал из рюкзака свой старенький плёночный фотоаппарат «Смена», чтобы сделать несколько чёрно-белых фотографий для отчета о командировке.

– Шестьдесят штук!? – остановился и задумался на секунду молодой, видимо прикидывая общую сумму, а потом продолжил своё нервное метание, – а за полковника сколько?

– Российский офицер, – спокойно отвечал Виктор, наводя объектив фотоаппарата на стоявших полукругом возле минивэна остальных коллег, – что-то около тридцати тысяч зелёных...

– Скромненько вас оценивают, товарищ полковник, – не унимался молодой.

– Нормально, – полковник насупил брови.

– Получается, пол-ляма баксов в одном сарае. Не кисло... Правда, товарищ полковник?

– Хорош трюндеть здесь! – грозно, словно взяв себя в руку, ответил офицер.

– Сейчас поедем, куда я скажу! Это всем понятно?

Но никто ему не ответил. Журналисты продолжили общаться между собой, язвя и усмехаясь над сложившейся ситуацией. Молодой оператор, казалось, тоже немного успокоился, перестал метаться, подошел к компании коллег и встал рядом. Полковник, не отрывая глаз от своего мобильного телефона, который постоянно пищал, предупреждая о полученной СМС. Офицер писал что-то в ответ, поддерживая связь с каким-то неведомым абонентом.

– Напишите там, что мы в заднице, – обратился к офицеру молодой.

– Уже написал, – пробубнил полковник, приложил трубку к уху и вышел из здания.

– Ну, всё... Сейчас авиацию на подмогу вызовет, – засмеялись журналисты.

В помещение зашел улыбающийся Тарик.

– Ну, что там, Тарик? – поинтересовался Алексей, – жить будем?

– Хотелось бы подольше, – поддержал Илья.

– Тамам, тама-а-ам! – ответил Тарик, подняв большой вверх палец правой руки.

– Всё, продал нас? – веселился Алексей. – Сейчас мешки на головы и вперёд к имамам...

– А потом смотри страна родная в ютубе на наши безголовые тельца, – подхватил Виктор.

– Да ладно, парни, – оправдывался Алексей, – пошутил я. Тамам в переводе с сирийского – хорошо! Так что, всё у нас будет хорошо, правда, Тарик?

– Тамма-а-а-м! – вторил он.

Алексей перешел на английский язык, которым Тарик владел вполне сносно, и они продолжили общаться между собой. Корреспондент пытался выяснить у сирийского офицера спецслужб реальное положение дел, но Тарик, судя по его лукавой ухмылке, увиливал от ответа. Лёша тоже был весельчаком, причем очень учтивым и понимающим толк в восточной дипломатии, поэтому их беседа со стороны, скорее, походила на разговор двух американских комиков из захудалого юмористического телешоу. Оба картинно улыбались друг другу, пытаясь выудить интересующую информацию, при этом каждый, очевидно, старался осыпать собеседника искромётным комплиментом. Тем временем мины, снаряды боевиков продолжали рваться в нескольких метрах от здания. Укрывшиеся за его стенами журналисты периодически, как по команде, замолкали, словно рассчитывая, на каком удалении от их укрытия взорвался снаряд, но после непродолжительного молчания их разговоры продолжались.

– Стоим, как бараны какие-то, – нервничал от близких разрывов молодой оператор. – Чего мы здесь забыли? Когда уже свалим отсюда? Где этот полковник?

– Указание от московского начальства получает, чудила, – продолжали язвить репортёры.

В ангар вошел бородатый сирийский солдат в камуфляже, автоматом наперевес и большим медным подносом в руках. На нём были красиво уложены аккуратно разрезанные куски спелого арбуза.

– Во-о-о-о-т! – загудели дружно журналисты, – с этого нужно было начинать! Вот теперь можно сказать, что нам здесь рады.

– Вот теперь тамам! – восторгался Илья.

– Я бы сказал, тамам тамамович тамамов, – торжествовал его коллега Леонид. Молодой, полненький и добродушный корреспондент. В Алеппо он ехал без своего оператора. Военные так решили. Но журналистской братии он был хорошо знаком, потому что это была его далеко не первая командировка на войну. В свои двадцать восемь Леонид, или Лёньчик, как звали его здесь, побывал и на Донбассе, и в Ираке, и в Сирии, с начала российской операции «Возмездие» тоже был.

– Сочный арбуз в такую жару – тама-а-ам! – радовался он, уплетая очередную дольку спелой ягоды.

– А-а-а-ах, вкуснотища! – поддержал его Алексей.

– Хотя арбуз дали, – облизывая пальцы, бурчал молодой оператор.

– А где полковник? – поинтересовался Виктор. – Его тоже нужно угостить. Оставьте ему пару кусочков.

– Ему в Москве оставят, – ответил молодой, откладывая в сторонку две арбузных дольки – это «полкану» нашему... Может, повеселеет.

– Та-а-ак! Без меня, значит? – командовал грозный полковник, заходя с улицы в ангар. – Я там стратегические задачи, значит, решаю, а они...

– Мы вам лучшие куски оставили, – оборвал его молодой оператор.

– Вот, берите, – предложил Алексей, – очень вкусный арбуз! Спасибо, солдаты постарались.

В этот момент в ангар вошел еще один сириец с автоматом наперевес и подносом в руках. Он принес для журналистов разрезанную дыню.

– Вечер перестаёт быть томным! – воскликнул Илья, и вся братия принялась угощаться и этими дарами.

– На войне как на войне, – спокойно произнёс Виктор, – всем поровну! Правда, брат? – обратился он к одному из сирийских солдат. – Парни, а как на сирийском будет брат?

– Алексей перешел на английский и переадресовал этот вопрос Тарику. Тот, подумав немного, воскликнул, – ахуй!

– Как? – воодушевился полковник, обращаясь к Тарику.

– Аху-уй! – повторил он.

– Мы здесь все ахуи, – окончательно повеселел полковник. – Ахуи осоловелые...

– Реально, что ли – ахуй? – переспросил Илья.

– Ну, да. Тарик так и говорит: ахуй. В переводе с сирийского – брат! – хихикал Алексей, сплёвывая арбузные семечки, – дорогой мой ахуй, Илья.

– От ахуя слышу!

Веселились коллеги ещё несколько минут. К тому же Алексей объяснил Тарику, а тот перевел и остальным сирийцам, что может означать это слово в русской транскрипции. А для пущей убедительности даже продемонстрировал сирийцам, согнув правую руку в локте и собрав пальцы в кулак, каким основательным может быть русский брат. Глядя на этот жест, сирийцы зашлись не меньшим хохотом, чем их российские гости.

– Слышите вы, кони! Хватит ржать! – сквозь смех потребовал полковник. – Я уже смеяться не могу. А ещё арбуза налопался, точно взорвусь сейчас. Лёша, спроси у Тарика, где туалет?

– Ахуй, Тарик! – сквозь смех обратился Алексей к Тарику, – ахуй полковник...пись, пись, – наглядно продемонстрировал желание российского офицера, корреспондент. Он опять что-то спросил у Тарика на английском. Услышав ответ, Алексей залился еще большим смехом.

– Вам туда, товарищ полковник, – держась одной рукой за живот, второй махал по направлению к выходу из ангара, Алексей.

Полковник, поправляя бронезилет, медленно вышел из ангара.

– Что случилось, Лёша? – едва сдерживая смех, поинтересовался Виктор.

– Я спросил у Тарика, как на сирийском полковник, – с трудом выдавил из себя Алексей.

– И-и?..

– Акы-ы-ыд! – громко смеялся он.

Акыд? – подхватили остальные журналисты. – Товарищ акыд нам не просто – акыд! А еще и ахуй!..

В какой-то момент журналистам показалось, что миномётный обстрел прекратился. По крайней мере, вконец развеселившиеся коллеги решили, что боевики бьют как-то не прицельно и разрывы стали греметь на безопасном удалении. Илья с Виктором даже вышли из ангара, чтобы осмотреть окрестности.

– Вон, еще одна легла, – обратился Илья к Виктору, указывая рукой в направление поднимающегося столба дыма в полукилометре от дороги.

– Может поснимать? – поинтересовался Виктор.

– Нет, не стоит. Сюжет из этого всё равно делать не будем, а так для картинки и напрягаться нет смысла.

– Все в машину! – заорал полковник. – Какого хрена вы вышли из укрытия? – он неуклюже бежал откуда-то сзади, где, очевидно, и находился военно-полевой туалет. – Бегом садимся в автобус и уезжаем отсюда!

– Куда валим, товарищ полковник? – переживал молодой оператор, пулей влетевший в салон минивэна.

– Куда прикажут, туда и двинем, – огрызнулся полковник, усаживаясь на кресло и поправляя свой бронезилет.

Микроавтобус с журналистами тронулся назад и медленно выкатился из ангара, но метров через десять – пятнадцать остановился. Рядом встал внедорожник прикрытия с сирийскими сотрудниками спецслужб во главе с Тариком, который сидел на переднем пассажирском сидении, громко разговаривая с кем-то по телефону.

– Ну-у? И чего мы встали? – обратились журналисты к настороженному полковнику.

– Хорош базарить! – скомандовал он, изобразив на лице злобную гримасу. – Когда команда будет, тогда и поедem.

– А куда едем? – едва слышно поинтересовался шупленький корреспондент Клим.

Выдержав непродолжительную паузу, полковник наконец озвучил свое предположение:

– Судя по всему, бородатые затеяли очень серьёзную атаку, и сирийцы с трудом, но отбиваются. Видите, как Тарик нервничает? Думаю, ждёт команды, чтобы нас пропустили в город, или подкрепление прислали.

– Этот Тарик сам боится всего на свете, – заключил Виктор.

– По нему видно, что ссыт, – продолжил размышления полковник, – вот и орет, как резанный. Сейчас они решают, куда нас отправить: либо в город будем прорываться, либо назад...

– Мы что в Латакию вернёмся? – вклинился молодой оператор.

– Какая Латакия? – рявкнул на него полковник, – поедem в аэропорт, там будем ждать. Это если «Мухабарат» решит возвращаться. Скорей всего, сейчас в город поедem, бой, кажется, стихает. Выдыхаются «бородатые».

– Оно и видно, – иронизировал Илья, кивая головой на очередные разрывы, – вот одна, вторая...

– А вот и третья, – подхватил коллега, сидевший рядом.

– И крупнокалиберный бьёт не затыкаясь, – вторил им Леонид.

– Сейчас еще танки ударят для ровного счёта, и тогда точно всем станет ясно, что атака захлебнулась, – подытожил Виктор.

– А Тарик всё громче и громче надрывается, – съязвил Алексей, – видимо настраивается на прорыв!

– Ага... Только штаны сменит, – пробурчал полковник, набирая очередное СМС-сообщение.

Микроавтобус и внедорожник сопровождения так и стояли в нескольких метрах от бетонной постройки. Водители обеих машин выключили двигатели, но из салонов никто не выходил. Снаряды тем временем продолжали рваться в окрестности блокпоста. Мины ложились то вдалеке, то совсем близко. Одна из них ухнула прямо за зданием, на дороге. Резкие звуки взрывавшихся в стену осколков слышали все, кто находился здесь. Сирийские солдаты попадали на землю, а журналисты в микроавтобусе, словно по команде, вжали головы в свои бронежилеты, как перепуганные черепахи. И это была далеко не последняя мина, упавшая в этом районе.

– Какого хрена мы здесь сидим? – закричал молодой оператор. – Валить надо отсюда! Полковник, командуй «назад», пока нас здесь не накрыло! Тарик, сволочь! Какого хрена ты по телефону там базаришь? Заворачивай колесницу, нахрен!

– Успокоились все! – скомандовал полковник. – Сейчас поедem...

– Куда поедem? – не унимался молодой. – Заводи мотор, водила! Валить надо!

– Действительно, товарищ полковник, – поддержал Илья, – сколько можно сидеть? Вы что не понимаете, сли сейчас, не дай Бог, какая-нибудь мина прилетит в автобус или ляжет рядом с нами, то накроет одним махом сразу все съёмочные группы центральных телеканалов России? Найдут потом десять наших детских трупиков при въезде в Алеппо, и всё... Вы-то останетесь в живых, по иронии судьбы, как обычно... Только что потом вам в Москве скажут?

– Всё!?!... Не сберёт журналистов... – съязвил Алексей.

– За такое в Москве по головке точно не погладят, – добавил Виктор, – и орден не дадут.

– Здесь сейчас не я командую, – словно оправдываясь, забормотал полковник. – Тарик общается со своими разведчиками, и они решают, куда нас везти дальше... Они там отслеживают все перемещения «бородатых», им лучше знать, как действовать.

– Ну, наконец-то, мы с Москвой перестали советоваться, – прервал молодой.

– Москва тоже не знает, что здесь происходит на самом деле, – продолжил офицер, – откуда они могли знать, что «духи» на прорыв пойдут?

– Действительно, откуда? – издевался молодой оператор. – Оттуда, блин! Не надо было вообще ехать в этот Алеппо. Что мы там забыли? Сидели бы в Латакии...

Договорить он не успел. Еще одна мина разорвалась метрах в тридцати, левее от внедорожника сопровождения. Один из осколков угодил в левую заднюю дверь автомобиля. В ту же секунду водитель завел двигатель, и машина медленно покатилась вперёд, в бетонный ангар. Тарик вытянул руку из окна и стал быстро вращать ею, давая сигнал водителю минивэна следовать за ним. Тот спешно завел двигатель и тронулся с места. Обе машины снова въехали в укрытие и остановились.

– Опять здесь сидеть будем? – сорвался на крик молодой.

Но его вопрос повис в воздухе. Журналисты сидели молча, слушая и считая разрывы...

Через несколько минут они снова вышли из салона, продолжили язвить между собой над сложившейся ситуацией, над полковником – акыдом и всей армейской службой в целом. Только смеялись коллеги всё реже, прислушиваясь, кажется, к каждой грохнувшей мине. Это продолжалось еще около получаса, пока из-за поворота, по дороге, ведущей к блокпосту, не

вылетел на бешеной скорости красный пикап с ЗУшкой в кузове. Рядом, держась одной рукой за металлический выступ установки, стоял сирийский солдат в камуфляже. Во второй руке у него был Калашников, из которого он периодически стрелял одиночными в воздух. Увидев мчащийся на всех парах в сторону блокпоста внедорожник, сирийцы побросали все свои дела и сбежались к ангару.

– Что за чёртова канитель? – напряженно произнёс Илья.

Алексей на английском что-то очень быстро спросил у стоявшего неподалёку Тарика. Тот так же быстро и как-то сумбурно ответил, затем поспешил к остальным сирийцам, собравшимся в нескольких метрах от входа в бетонное сооружение. Пикап, казалось, не снижая скорости, подкатил к ним и резко затормозил, из кабины выскочили двое, громко крича и размахивая руками.

– Тарик сказал, что-то серьёзное случилось, – настороженно произнес Алексей.

– Что там у них может случиться? – встревожился полковник. – Боевичё прорвалось что ли?

Вокруг пикапа столпились все сирийские военные, дежурившие здесь. Они размахивали руками и орали так, будто вот-вот из машины достанут нечто ужасное. Руководил всем этим вакханалией тот, что стоял в кузове. Он резче всех указывал свободной от автомата рукой, что нужно делать, призывая кого-нибудь забраться в кузов. Через несколько секунд двое самых активных солдат взвалили на свои плечи мужчину в камуфляже, а и медленно спустили его на землю. Кто-то из сирийцев молниеносно принес и поставил пластиковый стул, на который и усадили пострадавшего. Это был темноволосый уса́тый мужчина лет сорока. Лицо его искажала гримаса боли, а камуфляжная куртка распахнута на груди, как это делают с пострадавшими, которым не хватает воздуха для дыхания.

– Яла! Яла! Яла! – кричал и размахивал руками Тарик, быстро идя в сторону недоумевавших журналистов.

– В автобус все, быстро! – подхватил полковник, – бегом грузимся, иначе все поляжем!

Пока репортёры рассаживались по местам в салоне минивэна, водитель завёл двигатель и приготовился двигаться. Тарик сел в джип сопровождения, который резко двинулся назад. Водитель минивэна тоже врубил заднюю передачу. Быстрый разворот практически на месте и обе машины устремились прочь от блокпоста с кричащими вокруг раненого военного сирийцами.

– Что за херня? – орали на полковника журналисты.

– Я почём знаю? – отбивался он. – Видите, обратно едем? Значит, сегодня в Алеппо прорываться не будем.

– Слушай, военный! – придерживая обеими руками каску на голове, кричал молодой оператор, – а сразу нельзя было вернуться? Или эти бараны специально нас в пекло сунули?

– Тихо всем! – скомандовал офицер. – Сейчас выясним, что случилось, и куда нас везут? Он набрал на своей телефонной трубке какой-то номер и приложил к уху.

Микроавтобус нёсся по свободной полосе асфальтовой дороги вслед за внедорожником сопровождения мимо многокилометровой очереди из встречных автомобилей. Водители и многочисленные пассажиры этих машин кучковались возле них или под ними. Днища огромных автоприцепов хоть как-то спасали от изнурительной жары. Солнце палило всё круче, разгоняя столбики термометров до запредельных плюс шестьдесят градусов в тени.

Глядя на всю эту картину, Илья вдруг вспомнил, как он в детстве мечтал попасть в какую-нибудь пустыню, чтобы испытать себя на прочность и попробовать выжить.

Да-а-а, – думал он, – ну его нафиг, такие приключения. Сваришься здесь за пару часов, и никто даже не хватится. Впрочем, приключений сегодня в избытке. Сходу под миномётный обстрел влетели. Добраться бы живыми до базы, а там видно будет....

Машины с российской прессой, пропетляв с полчаса по выжженной солнцем равнине, въехали наконец в небольшой поселок. Одноэтажные квадратные мазанки стояли плотными рядами вдоль дороги, по которой двигались внедорожник и минивэн. Практически в каждом жилом помещении был устроен маленький магазинчик с нехитрыми товарами. Немногочисленные местные жители, в основном старики и дети, сидели рядом, исполняя роль ответственных продавцов. Женщины в черных хиджабах изредка проходили вдоль дороги. Въехав в поселок, водители заметно сбросили скорость, и обе машины двигались не спеша по главной поселковой трассе.

– Может, шаурмы рубануть? – звонко предложил молодой оператор.

– Ты смотри-ка, ожил! – издевательски подхватил полковник, – штаны потом не отстираешь от этой шаурмы.

– Да ладно, справлюсь как-нибудь, – насупился молодой.

– Пожрать бы, конечно, не мешало, – вклинился Алексей, – а там, куда мы едем, кормить будут?

– Ещё как будут! – звонко сообщил Клим. Он вместе со своим оператором Вадимом единственные, кто знали эти места. Они уже летали на съёмки в Алеппо, буквально накануне этого рейса. Их возили по этим дорогам, и на российской перевалочной базе они тоже были.

– Нас ведь в Нейраб везут, товарищ полковник? – обратился Вадим к офицеру.

– Да... В Нейраб едем, там пересидим этот штурм.

– А потом куда? – не унимался молодой. – Опять в Алеппо погонят, или здравый смысл всё-таки победит, и нас вернут в Латакию?

– Победит! – грозно отрезал полковник – Всё и всех победит! Приказ придёт, будем его выполнять, и никаких разговоров. А на счёт еды не переживайте, будут вам и борщи с пампушками, и сало в шоколаде, и карамель с ирисками. На базе заму по тылу уже доложили, что мы приедем, накроет и нам стол.

– А может, и нальют нам... с дорожки? – усмехнулся Виктор.

– Сами нальём, – поддержал Алексей.

– Добраться бы, а там хоть трава не расти, – поддержал Илья.

– Уже почти добрались, – заключил Клим, – я помню тот поворот. За ним КПП и въезд на территорию аэропорта.

– Да... уже приехали, – выдохнул полковник, снимая каску.

Внедорожник остановился возле КПП, из которого вышел высокий, плотный и светловолосый парень в камуфляже сирийского солдата.

– На-а-аши... – практически одновременно выдохнули все репортёры.

Парень что-то сказал Тарику, после чего развернулся и медленно вернулся на своё место. Шлагбаум открылся, и машины въехали на территорию. В мирное время здесь располагался международный аэропорт. Вывески на арабском и английском, такие же указатели, два терминала и взлётно-посадочная полоса поодаль; все, как в стандартной воздушной гавани, только несколько бронетранспортёров перед главным входом, военные УРАЛы и старые грузовики, а еще ящики из-под боекомплектов, уложенные стенкой, чтобы загораживать обзор. А еще старые грузовики с прицепами, выстроенные в колонну друг за другом в нескольких метрах от стеклянных окон терминалов аэропорта. Все они изрезаны осколками и пулями, видимо, эти заградительные машины сдержали не одну атаку боевиков.

Микроавтобус с журналистами остановился возле одного из таких грузовиков, прямо напротив главного входа в здание аэропорта.

– Приехали! – звонко скомандовал полковник. – Выходим, выгружаем вещи, а я пойду, узнаю, куда нас поселят.

– Лучше бы узнал, когда нас кормить будут, – недовольно пробурчал молодой оператор, вытаскивая из багажника джипа сопровождения сумку со своими вещами.

– Борща бы сейчас, да с пампушками, – задорно поддержал его Леонид. – Мы в Сирии уже почти два месяца, а с борщами здесь полный абзац: не варят здешние садыки супов...

– Каких супов? – вклинился Илья.

– Вообще никаких, – снимая с себя бронежилет, улыбался Лёня, – жрут всякую шаурму, а чтобы борщеца настоящего сварганить, не умеют.

– Ничего, парни, сейчас наши военные нас порадуют разносолами, – поддержал Виктор.

– Это, да! – вторил ему Алексей, – наши повара такую кашу с мясом подают, пальцы проглотить!

– А я мясо не ем, – признался Илья.

– Религия не позволяет? – поинтересовался Виктор.

– И она тоже...

– Ничего... Нам больше достанется, – веселился Алексей.

Журналисты выгрузили из машин свои вещи и разложили их возле главного входа в здание одного из терминалов. Находиться на улице под палящим солнцем было невыносимо, поэтому все до одного зашли внутрь здания. Здесь располагались ряды с креслами, как в обычном зале ожидания вокзала. Чуть поодаль, вглубине, стоял большой ламповый телевизор, возле которого сидели несколько военных. Они тихо смотрели один из центральных российских каналов.

– О-о! Моих смотрят – воскликнул Леонид.

Военные, как по команде, обернулись, посмотрели на корреспондента и опять уткнулись в телевизор...

– А наш канал есть? – громко спросил Виктор.

– Из российских только этот, – недовольно ответил один из военных.

– Значит, будем следить за путешествиями инопланетян, – с издёвкой заключил Алексей.

– Да ладно, мои не только рептилоидов транслируют, – попытался оправдаться Леонид, – у нас еще и фильмы классные крутят.

– Хотелось бы дожидаться этих классных фильмов, – бубнил недовольный военный. – А то этими теориями заговора уже весь мозг сломали.

– Это они могут, – язвил Алексей.

– Парни! Давайте вещи свои занесем сюда, – предложил Илья, – а то валяются там на проходе.

Через несколько минут все сумки, рюкзаки, бронежилеты и оборудование репортёров уже лежали большой кучей в углу терминала. Все журналисты расселись по лавкам, задорно озвучивая свои предположения на ближайшее время.

– Клим, скажи, пожалуйста! – обратился Виктор к репортёру. – Ты же был здесь? В прошлую поездку тебя тоже через эту базу везли?

– Да, сидели мы здесь с Вадиком, колонну ждали, чтобы обратно ехать. Нормально здесь кормят. На кухне, по крайней мере, на раздаче парни молодые работают, такие супы разливали! Да с тушенкой! Эх, Илья, зря мясо не ешь, – подколот он коллегу.

– Ну, что поделаешь, не ем я мясо. Буду чай пить с ватрушками. Бывают у них тут ватрушки? – обратился он к Вадиму.

– Насчёт ватрушек не знаю, – улыбнулся оператор, – а вот печенье наше да сгущенки у них завались. Тут, видимо, нормальный зам по тылу работает, поэтому со снабжением никаких проблем.

– А-а-а! Чувствуете, парни, какой аромат? – заводил носом Алексей. – Не иначе, как долгожданный борщ!

– Точно! Борщом потянуло, – подхватил Лёня.

– Не зря под минами сидели, – Алексей направился вглубь терминала, ориентируясь по запаху.

В этот момент из-за наскоро собранной ширмы вышел полковник и уверенной походкой зашагал к компании журналистов.

– Вещи уже сложили? Молодцы! – хлопнув в ладоши и быстро потирая их, восторгался офицер. – Я вас, как всегда, вовремя привез – к обеду. С «зампотылом» перетёр, и он приказал нас накормить. И сегодня они новую партию продовольствия получили, так что на обед борщ, картошка с мясом. Я даже сало раздобыл, так что ни в чем себе не оказываем...

– Прямо сейчас идём есть! – воодушевились репортеры.

– Да! Занимаем очередь и, согласно купленным билетам, отовариваемся.

– А где столовая? – поинтересовался кто-то из журналистов.

– По запаху найдём! – веселился Леонид. – Судя по всему, туда нужно двигать.

– Да, парни, обедают все там, – Вадим указал рукой вглубь помещения. – Руки мыть тоже там, туалет по пути...

Вечером, когда полуденный жар немного поостыл и раскалённый солнечный диск быстро прятался за горизонт, умиротворённые журналисты сидели на бетонном парапете перед входом в терминал и наслаждались сирийским закатом. В нескольких километрах от них, прямо по курсу находился населённый пункт. Военные рассказали, что это пригород Алеппо, который уже несколько месяцев удерживает сирийская армия. Сразу за их позициями восточная часть города, где зажаты в кольцо боевики Джабхад Ан-Нусра. Каждый день они пытаются вырваться, направление аэропорта – не исключение, но пока все держатся. Наши военные чем могут, помогают сирийцам: беспилотники поднимаются в небо, как по часам. Все передвижения «бородачей» фиксирует наша разведка, а сирийские «тиргы пустыни» рвут басмачей. Плохо, правда, бьют, но по крайней мере, стараются. Вот и сейчас, глядя на закат, журналисты слышали артиллерийские взрывы, звонкое хлопанье зенитных установок и всполохи разрывов.

– Так это же совсем рядом, – удивленно обратился Илья, к сидевшему рядом офицеру из центра по примирению враждующих сторон.

– Километров пять отсюда, не больше, – выдыхая сигаретный дым, ответил он.

– А если прорвутся? – недоумевал репортёр.

– Где прорвутся, там и лягут! – четко заявил военный. – Мы не сирийские ополченцы, цапкаться не будем. Пусть только сунутся, в миг огребут.

– Это радует! – поддержал его интонацию Илья. – Мы сегодня в Алеппо въехать не смогли, «бородатые» в атаку пошли. Каких-то пятьсот метров не доехали.

– Да-а... Знаю... – неторопливо курил офицер. – Они такие прорывы по пять на дню предпринимают. В последнее время вообще активизировались. Им навстречу большое подкрепление идёт, шмаляют не по-детски. Но ничего, мы всё видим... и всё знаем. Он потушил окурок о мраморную плиту, метким движением пальцев метнул его прямо в урну и направился в терминал.

– Пойду я, ребята... Поработать надо.

– Удачи! – пожелали репортёры. – А где спать будем сегодня? – обратился молодой оператор. – Что-то я там кроватей не увидел?

– За ширмой есть кровати, но на них уже вояки спят, – разводя руками, констатировал Алексей.

– Какие кровати, парни? Забудьте! – к компании коллег подошел Вадим. – Койки все заняты, так что спать будем на креслах в зале ожидания. Кстати, даже их на всех может не хватить. Так что лучше походи забронировать себе спальное место. Полковник-акыд сказал, что сегодня ночуем здесь, а завтра, может быть, будем прорываться в Алеппо.

– А акыд не сказал, нахрена оно нам надо? – поинтересовался Виктор. – Опять под мины нас повезут, судьбу испытывать? Бой, вон, в самом разгаре...

– Да-а... Долбят конкретно! – согласился Илья.

– Не знаю, – продолжил Вадим, – но места лучше забронировать.

– Блин, а я, если честно, здесь бы заночевал. Звёздное восточное небо, тепло, хорошо, – рассуждал Илья. – Сейчас пойду броник возьму, расстелю и лягу на него.

– Это идея, – согласился Леонид и тоже отправился за бронежилетом.

Коллеги расстелили свои средства индивидуальной защиты на гранитном парапете, чуть левее от входа в здание терминала и устроились на ночлег.

– Небо здесь вообще не такое, как у нас, – констатировал Илья, глядя на звёздную россыпь. – В юности, помню, в августе в деревне отдыхали. Большая...Малая медведицы...Млечный путь... Здесь всё иначе. И созвездия какие-то непонятные. А еще интересно было наблюдать, как звёзды падают. Идёшь там по лесной дороге, с дискотеки возвращаешься, а тут звезда – раз! А ты подруге шепчешь: «Желание загадала?» Она тебе в ответ: «Конечно!». И потом до утра с ней любые желания загадываешь...

– Ха-ха, – усмехнулся Леонид. – Здесь вместо звезд снаряды падают – хоть обзагадывайся желаний.

Их разговор прервал рёв реактивных снарядов и яркие вспышки огня впереди.

– Во, блин! – привстал Леонид, – «Град» пошел работать! Сейчас «бородатых» в порошок сотрут.

– Смотри, еще одни! – показал влево Илья.

Реактивные снаряды срывались один за другим и устремлялись куда-то в темноту, вправо. Кроме градов работали и зенитные установки, слышны были еще какие-то взрывы. Всё говорило о том, что бой в этих окрестностях шел очень серьёзный.

– Та-а-ак, друзья мои! – обратился к журналистам офицер, вышедший из терминала. – Здесь сейчас находится очень опасно, поэтому давайте-ка зайдем с вами внутрь. Мало ли что. Вдруг какой-нибудь снаряд прилетит сюда, потом соскребай вас с асфальта.

– Да уж, – согласились с ним репортёры, быстро снимаясь с места, – лучше спать под крышей, так шансов выжить больше.

Найдя себе место на одной из свободных лавок, подальше от включенного телевизора, Илья уложил бронежилет под голову вместо подушки, поставил возле себя свой рюкзак с вещами и улёгся в надежде на скорейший сон. Однако работающий телевизор, грохот от взрывов и постоянно шатающиеся курильщики, которые хлопали входными дверями, не давали спать.

– Да-а, – думал Илья, – поспать, сегодня точно не получится. Еще и эти кресла: того и гляди, скатишься. Надеюсь, в Алеппо будет что-нибудь получше. Лишь бы в какой-нибудь окоп не привезли и не бросили там. Впрочем, хрен с ними с окопами, где наша не пропадала!

– Парни! А во сколько завтра подъём? – в полголоса заговорил Илья.

– Рано, – полушепотом отозвался Лёня.

– Ну, ладно. Буду стараться уснуть. Спокойной ночи, Лёнчик!

– Споки, Илюха!

Рано утром, пока на улице еще было темно, к зданию терминала подъехала колонна боевой техники: один бронетранспортер с несколькими вооруженными бойцами на броне, за ним два КамАЗа с бронированными капсулами для безопасной перевозки людей, топливозаправщик, еще два военных УРАЛа и последним шел второй БТР с экипированными российскими военными. Солдаты ловко спрыгнули с брони, из капсул высыпали их товарищи, и началась бойкая разгрузка колонны. Бойцы хватали ящики с какими-то боеприпасами и несли их в помещение терминала, проходя мимо спящих на скамейках журналистов. Громкие команды и указания командиров, крик и ругань солдат, постоянное хлопанье дверями и лязганье ящиков покоя отдыхавшим репортёрам, естественно, не добавили.

– Доброе утро, страна! – громко поприветствовал Илья. – Выспались и хорош, пора за работу!

– Да-а, поспали от души, – хихикал Алексей. – Пора завтракать! Чем нас с утра потчевать будут, товарищ полковник?

– Нас ждут великие дела! – звонко рапортовал офицер, подходя к лежавшим журналистам. – Сон сегодня отменяется! Сейчас все быстренько умываемся, приводим себя в порядок, завтракаем, чем Бог послал, и вперёд. Тарик уже обзвонился, они едут к нам, дорога на Алеппо свободна. Будем прорываться. Так что встаём и быстро собираемся. Кому и что не понятно?

– Давно всё понятно, – медленно вставая с места, отозвался Виктор. – Надеюсь, в Алеппо у нас будет возможность выспаться и технику в порядок привести?

– Там видно будет, – уверенно заявил командир, – дай только до Алеппо добраться. Там и отдохнём.

– Да уж, покой нам только снится, – доставая из рюкзака полотенце и мыльные принадлежности, согласился Вадим.

– Всё, кончай безудержный трёп! Собирайтесь, а я к «начпроду», на счёт завтрака гоношить, – поправляя на ходу форму, прокричал полковник.

Завтрак длился недолго. Полусонные солдатские повара медленно разливали горячий чай в пластиковые стаканы и предлагали каждому самостоятельно положить себе порцию гречневой каши из стоявшей прямо на стойке большой кастрюли. Илья от каши отказался, она была с тушенкой, а взамен нее взял сразу два больших стакана чая. Его коллеги составили вместе три пластмассовых стола, как в обычной придорожной кафешке, чтобы есть всем вместе. И когда все расселись, полковник выложил из холодильника, стоявшего неподалёку, три полулитровые пластиковые бутылки со сгущенным молоком, несколько пачек российского печенья, добротный шмат сала и четыре крупные луковицы.

– Завтракаем сегодня по-царски! – смакуя, произнёс он.

– О-о, сало! – заголосили журналисты, – и лучок!

– Так, Клим! – скомандовал офицер, – давай ты лук будешь чисть, а я сало порежу. Ибо... Сало такой продукт, который никому доверять нельзя.

– Да-а... сало – наш стратегический запас! – веселился Алексей.

– И каша гречневая хороша! – поддержал Виктор.

– А ты почему без каши? – аккуратно разрезая сало, поинтересовался полковник у Ильи.

– Он мясо не ест, – ответил Виктор.

– Ах, да... забыл совсем. Ты же веган у нас, – съязвил довольный офицер.

– Не веган, конечно, потому что птицу и рыбу я ем. Только мясо не употребляю уже больше трёх лет, – поняв иронию полковника, защищался Илья.

– А курица и рыба, это не мясо что ли? – продолжил полковник.

– Курица – это птица. Рыба – это рыба. – улыбаясь, объяснял Илья, – а мясо – это мясо. Баранину, свинину, говядину, крольчатину... кошатину с собачатиной я не ем. Всё остальное, пожалуйста, с превеликим удовольствием. Особенно, собственного приготовления или свежесвыловленное. На рыбалке, например, поймал хорошую щуку и ущицу из неё... обедение!

– Тогда вот тебе добрый кусок сала, – полковник на ноже протянул Илье самый толстый кусок – это же не мясо.

– И даже не кошатина, – пошутил Алексей.

– Нет, сало я тоже не буду, спасибо!

– С такой едой ты к концу командировки ноги протянешь, – сокрушался полковник, – чем я тебя в Алеппо кормить буду? Ты это прекращай. Надо есть, мы ведь на войне, а на военных, путешествующих и больных пост, как известно не распространяется. Тем более для нас, у которых вообще всё в кучу. Бери сало, говорю тебе!

– Да не хочу я, – уверенно отказал Илья, – чаю попью со сгущёнкой, и будь здоров!

– Ну, как хочешь. Нам больше достанется! Кому еще кусочек?

Плотно подкрепившись, журналисты убрали за собой пластиковую посуду, вернули столы на свои места и всем составом вышли на улицу. Идиллию разрушил рёв моторов: из-за угла терминала выехал внедорожник сопровождения, а вслед за ним и белый минивэн. Машины быстро подъехали к главному входу, у которого стояли журналисты, и резко, скрипя тормозами, остановились. Из внедорожника вышел все так же напомаженный и набриолиненный Тарик с распростёртыми объятиями:

– Хелоу, май фрэнд! – улыбался он.

– Мархаба, Тарик! Мархаба!!! – приветствовали его Леонид с Алексеем.

– Мархаба! – включился в приветственные «обнимашки» полковник.

– Что такое мархаба? – поинтересовался Илья у расплывшегося в улыбке Виктора.

– Здравствуй, по-сирийски – обнимая Тарика, громко ответил он.

– Мархаба! Мархаба! – пожимая руку, а потом и дружески обнимая Тарика, приветствовал Илья.

Обняв всех приехавших сирийцев и объяснив жестами каждому, как их рады видеть, репортёры быстро покидали свои вещи в автомобили, надели бронежилеты с касками и расселись по своим местам.

– Так, так, этот здесь, – подсчитывал полковник. – А Клим где?

– Здесь я, товарищ полковник, – отозвался с заднего сиденья репортёр.

– Тебя из-за мешка совсем не видно, – оправдался офицер.

– Меня мешок прикроет, если что...

– Никаких, что! – оборвал его офицер. – Тарик сказал, что дорога свободна. Бородачей всю ночь долбили: куча трупов, и штурм сорвали. В общем, дорога свободна, сейчас вмиг домчим до Алеппо, а там в гостиницу, и готовиться к работе.

– Скорей бы уже добраться до места, – отозвался из-за рюкзака Клим.

– Всё, Тарик, поехали! – громко скомандовал полковник и несколько раз махнул рукой, чтобы сирийцы из машины сопровождения увидели – яла! Яла! Яла!!!

– Давай, давай! – вторили ему журналисты.

Машины ехали мимо обугленных развалин, ни одного уцелевшего здания. Некоторые остовы домов дымились до сих пор, подтверждая, что совсем недавно здесь шли ожесточённые бои. Совершив очередной вираж, минивэн подъехал к ещё одному посту.

– Через двести метров Алеппо, – заголосил полковник. – Подъезжаем, хлопчики!

– Это не может не радовать! – согласились журналисты.

– Только каски пока не снимайте! Справа боевичье, до их позиций меньше километра. Там как раз находится район Салах Ад-Дин, и именно оттуда они пытались прорваться сегодня ночью.

– В касках, так в касках, – согласился с офицером Алексей.

– Как же без каски-то? – поддержал Леонид, – да только толку-то от этой каски? Разве что для самоуспокоения...

– Хватит тут философию разводить! – приказным тоном оборвал полковник. – Сказал, все в касках, значит, в касках... И точка!

– На хрен мы вообще в этот Алеппо едем? – вдруг запричитал молодой оператор.

– Проснулся? – ехидно обратился к нему полковник. – Спи давай, уже приехали.

– Поспишь тут с вами... То каски, то танки, то ещё какая-нибудь шляпа...

Автобус тем временем быстро проехал мимо вооруженного автоматом военного, который, судя по всему, дежурил на блокпосте при въезде в город, и подъехал к памятнику, на постаменте которого красовался советский МИГ-21, устремлённый в небо. Машина была вся посечена осколками, а вместо хвоста – алюминиевый скелет.

– Вот мы и приехали, ребяташки, – констатировал полковник, – этот самолет находится на территории военных академий. Здесь уже несколько лет идут бои. «Бородачи» их занимают, потом сирийская армия их отбивает, потом опять отступает с позиций... И так каждый раз. Прошлой ночью, судя по всему, тоже бились за эту землю. Говорят, «нусрята» сейчас заняли большую часть академии, осталась лишь узкая полоска, по которой мы сейчас с вами въезжаем в город.

– Очень интересная ситуация, – вмешался Алексей, – то есть нам повезло, и мы попали в самое яблочко?

– Да! – согласился полковник, – в геморрой мы с вами попали...

Минут через пятнадцать машины въехали на огороженную и хорошо охраняемую территорию гостиницы «Аль-Шахба». Монументальное, построенное в лучших советских традициях восьмидесятих годов прошлого столетия, здание тянулось ввысь на двадцать два этажа. Вероятней всего, до войны это была самая статусная в городе гостиница. Но сейчас даже этот, некогда пятизвездочный, шедевр архитектуры был усеян осколочными ранами. Следы от разрывов мин и снарядов, а кое-где выбитые или потрескавшиеся стёкла, даже с первого взгляда предупреждали об опасности.

Выгрузились очень быстро и дружно заняли несколько диванов в холе гостиницы. Полковник тем временем суетился на рецепции, выясняя у персонала ситуацию с дальнейшим проживанием в этих стенах.

– Я тебе английским языком объясняю, – распалялся он, тыча пальцем сначала себе в грудь, потом указывая на сидящих журналистов, – садик ты бестолковый: мне... ми... Понимашь, ми! Ай эм, то есть... Вонт... Лив ин Шахба. Андэстэнд?

– Ес, мистер! – примерно на таком же суржике, отвечал сирийский портё.

– Андестенд, значит? – воодушевился офицер. – Файф намбе, пять номеров мне надо... Фо ту намба, понимаешь? Пять двухместных номеров нам надо, – тыча перед собой всей пятерней, а потом, поднимая лишь два пальца, объяснял он... – Так, англичане! – громко обратился он к репортёрам, – кто там на английском лопочет, идите, переводите...

Алексей отложил в сторонку свой ноутбук, встал и направился к полковнику.

– В чём проблема, товарищ акыд? – игриво поинтересовался он.

– Объясни ему, что нам надо пять двухместных номеров... И скажи, что мы идём по брони губернатора. Он лично должен был зарезервировать за нами пять двухместных.

– Он говорит, что номера готовы и ждут нас. Можем заселяться – отрапортовал Алексей.

– Давай всех сюда, номера будем распределять! – приказал полковник.

– Слушаюсь, товарищ акыд! – веселился Алексей.

– Так! Посерьёзней, давай, Лёша...

– Куда уж серьёзней, товарищ полковник? на войне всё-таки, – отходя от стойки рецепции, ерничал репортёр. – Парни! Давайте все сюда, номера распределять будем.

Журналисты, как по команде, оторвались от своих телефонов и устремились к офицеру.

– Я, естественно с Витей жить буду! – заключил Илья. – Дайте нам номер, и мы пойдем размещаться... На стойке лежали несколько конвертов с написанными ручкой цифрами.

– Я буду жить на восемнадцатом этаже, – заявил полковник, отодвигая один из конвертов. – Со мной в номере будет жить переводчик Сомар, он приедет позже. А вы сами разбирайтесь, кто с кем жить будет. Только список составьте, кто, где и мне потом отдадите.

– О-о! Девятнадцать ноль три, – воскликнул Илья, беря свой конверт, в котором лежали две магнитные карты от входных дверей, – в нём мы с Витей будем жить. Вот тебе ключ, пошли заселяться.

Через полчаса в холл гостиницы стали спускаться российские журналисты. В домашних тапочках, в шортах и майках, без бронежилетов и телевизионной аппаратуры они походили на обычных туристов, коими кишат привычные курорты Турции или Египта. Ребята рассажива-

лись на мягких диванах, подключали свои мобильники к «всемирной паутине» и погружались в мир интернет-новостей и сетевого общения.

В этот момент в холл вошли трое российских военных в камуфляжах и с автоматами наперевес: круглолицый полковник невысокого роста, худощавый майор и за ними медленно плёлся старший лейтенант. Увидев журналистов, все трое подошли к ним и поочерёдно уселись на свободный диван. На их лицах читался неподдельный испуг.

– Мужики... – начал негромко круглолицый полковник, – «бородатые» вертолёт сбили... Он замолчал, словно подбирая слова. – Наш вертолёт... На котором мы сюда прилетели...

– В смысле, наш вертолёт? – после непродолжительной паузы обратился к военному Виктор.

– Двести двенадцатый борт? Ми – восьмой, на котором мы прилетели в Алеппо, на обратном пути завалили духи?

В гостиницу вошел переводчик Сомар. С вытаращенными глазами, он быстро приблизился к группе журналистов и военных с оружием:

– Вы рассказали, товарищ полковник?

– Да, Сомар, как раз сейчас довожу...

– Это какой-то шок! У меня глаза полны слёз, – на восточный манер стал лебезить переводчик.

– Этот тот самый борт, который вчера нас вёз? – поинтересовался Илья.

Да, парни... – едва слышно говорил полковник, – то самый борт... Они привезли нас и полетели обратно. На борт поднялись два контрактника... совсем молодые парни. Один из них еще так пристально посмотрел на меня, словно прощаясь... Пилоты даже винты не выключали, торопились обратно на базу... Через десять минут их сбили в провинции Идлиб... В новостях уже показывают во всю.... Как наших парней эти твари расстреливают... Никто не выжил... Басмачи всех добились....

– Вот твари! – глядя в свой телефон, крикнул Лёня, – они уже в интернет выложили расправу... Ублюдки!

ШТУРМ АЛЕППО

– Командир?! – полушепотом обратился телохранитель к спящему Вахиду. – Командир?!

– Что ты хочешь? – Вахид открыл глаза.

– Приехали наши спец, говорят, вертушку русских завалили.

– Завалили, говоришь? – с трудом прохрипел Вахид. – Пусть ждут, сейчас выйду... и, это... пришли ко мне кого-то... мне умыться и собраться надо, – глядя на свои окровавленные руки, приказал «палач».

Через несколько минут в его шатёр вошли четверо с двумя большими бидонами; в одном была горячая вода, в другом – холодная. Они поставили воду рядом с Вахидом, быстро вышли, и буквально через мгновение появились вновь с медными ковшом для обливания и полотенцами в руках.

– Где генерал Рахим? – сердито поинтересовался Вахид.

– Он в своём шатре, командир! – отчеканил самый молодой из obsługi.

– Сейчас день или ночь? Ничего не понимаю я в этой пещере... Сколько вообще времени? – мыля руки, возмущался Вахид.

– Почти час дня, командир, – докладывал молодой, – генерал Рахим уже встал и скоро выйдет в большой шатёр. Приглашает вас...

– Долго мы вчера отдыхали?

– Около трёх часов ночи мы проводили вас в этот шатёр. Генерал приказал устроить здесь всё для вас, командир.

– Для меня? – наслаждался тёплой водой Вахид. – Для меня, это хорошо. А есть в общем шатре будем?

– Да, командир! Там все накрыто для вас.

– Мне мой телохранитель сказал, что мои спецы прибыли.

– Возле большого шатра вас ждут, – отчеканил молодой, выливая на Вахида очередной ковш тёплой воды.

– Скажешь, чтобы зашли ко мне как вымоюсь, понял?

– Всё понял, командир!

Через полчаса Вахид сидел в мягком невысоком кресле, обложенный подушками, и потягивал кальян.

– Я войду, командир? – бодрым голосом поинтересовался бородач.

– Заходи, заходи, дорогой! Чем порадуешь? – Вахид указал рукой на кресло.

– Мы сделали всё, как ты велел! – усаживаясь, докладывал бородач, – русскую вертушку положили, как по написанному. В ней было пятеро военных: трое летунов и два «контрабаса». Всех уделали. Они даже пикнуть не успели. Местные разделали русских, как баранов. Я приказал развезти части по деревням, чтобы хоронить некого было. Сейчас все телевизоры рассказывают, как мы завалили Ми – восьмой русских, даже видео с места событий крутят. Там один из местных снимал на свой телефон. В общем, все кричат и визжат от нашей работы.

– Это хороший визг, – одобрительно покачал головой Вахид. – Когда все визжат, особенно русские, я спокоен... А что русские? Пытались вытащить своих с места падения?

– Мы всё сделали очень быстро и сразу уехали оттуда. Местные говорят, что слышали рев двигателей самолётов. Но никто не бомбил место падения. Думаю, скоро русские начнут мстить за свой вертолёт...

– Пусть знают, с кем воюют! – надменно прервал его Вахид. – Мы им ещё и здесь ловушку устроим. И правильно, что вы быстро убрались с того места, друг мой. Сейчас русские там всю округу выжгут. Ты, кстати, документы этих шакалов привёз?

– Да, вот они, – он протянул окровавленные удостоверения.

– А-а-ах, белоголовые! – с ненавистью разглядывая фотографии, шипел Вахид. – Допрыгались? Покатались на вертолёте, и хватит. В этом небе мы хозяева! Он швырнул несколько удостоверений в едва тлеющий костёр, в котором доходили угли для кальяна. – А эти фотки, – Вахид крутил в руках фотографию белокурой девушки и несколько семейных снимков, изъятые у погибших российских военных, – я оставляю на память.

– А теперь бери своих ястребов и отдыхайте, как следует. Я уже приказал своему помощнику, чтобы устроил всё по высшему разряду: баб берите, каких хотите и сколько хотите. В Хандарате у генерала большой запас имеется, говорят, даже русские есть, – злорадно распоряжался Вахид. – Завтра утром вам хорошо заплатят за сбитую вертушку, я уже дал команду своему казначею. В общем, гуляйте пока... Потом к вам еще будет важное задание.

Бородач глубоко затянулся предложенным Вахидом кальяном и гордый вышел из шатра. Через минуту за ним последовал и сам командир, но он сразу вошел в большой шатёр, где его уже ждал довольный генерал Рахим.

– Брат мой, заходи! – расплылся в улыбке генерал. – Присаживайся, дорогой! Вот аргия для тебя, только что заварили. Такая шиша, прям все мысли на место встанут!

– Спасибо, генерал! Аргия сейчас – самое нужное! – радовался Вахид. – Вдобавок и хорошие новости с утра тоже радуют.

– Да-а, слышал, слышал, – одобрительно кивал Рахим. – Навели шороху твои люди, весь мир захлёбывается от новостей. Слава Аллаху!

– Заплатить бы им надо, генерал, – игриво говорил Вахид, – девки хорошие у тебя найдутся?

– Такими орденами у меня все подвалы забиты, – хохотал генерал, – пусть берут на свой вкус. Для твоих героев самых лучших подберут. Сам пробовать не буду, им отдам!

– Это правильно, генерал, пусть поиграют красиво. А деньги я им потом дам, когда Алеппо возьмём. Сразу со всеми рассчитаемся...

– И нам за такое дело ордена полагаются, – генерал подмигнул Вахиду, – такую операцию провернули, все на ушах. Так что вечером ещё парочку белокурых красавиц встретим, не каждый день все-таки русские вертолёты валим. А пока угощайся, брат! Сейчас мои ястребы придут, будем планировать штурм....

– Идите и сорвите с неверных их головы, как это делаю я! – кричал генерал, обращаясь к собравшимся в пещере командирам. В ту же секунду он махнул рукой, и его помощники отсекали головы пятерым пленным сирийским солдатам. – И пусть реки крови залиют этот город! Пусть захлебнётся Алеппо кровью неверных! И не будет пощады никому, потому что всевышний не терпит изменников... И скажите своим солдатам, что они несут очищение. Пусть головы неверных висят на каждом заборе, на каждом свободном шесте! И пусть весь мир видит нашу силу и нашу победу. Только нашу победу! Вы, братья мои, несёте исцеление. Так лечите же этих шакалов от их блуда! Аллаху не нужны их продажные души! Идите и рвите их сердца, режьте их печень и принесите мне голову самого главного их генерала, и я покажу вам, как истинный воин разделяет мозг своего врага.... И когда мы возьмём этот город и зальём его кровью неверных, мы пустим туда стаи голодных псов..., и они будут рвать трупы убитых вами шайтанов, чтобы все они, как один отправились в ад!.. – Аллах Акбар! – закричал он.

– Аллах Акбар! – взревела толпа. Этот неистовый рёв вырывался из пещеры, словно вой гигантского дракона, будоража окрестности.

Чуть больше сотни полевых командиров жадно глотали каждое слово своего генерала, то и дело поднимая вверх огромные кинжалы, издавая при этом дикий рык. Палачи в этот момент вскрывали тела только что обезглавленных солдат, доставали ещё бившиеся сердца и рвали их зубами, приводя в неистовый восторг хрипящую толпу. Вахид тоже был здесь. Он стоял по правую руку от генерала, то и дело взмахивая своим тесаком, на котором оставались запёкшиеся сгустки крови. Генерал продолжал что-то кричать, но Вахид его уже не слушал. Словно дикий лев, он смотрел на орудовавших палачей, ревя вместе с остальными после каждого призыва генерала.

– Палач!.. Палач! – услышал он обращение генерала. – Скажи им что-нибудь перед боем...

– Братья мои! – прокричал Вахид толпе, подняв тесак над головой. – Сегодня мы войдем в этот город и избавим его от шайтанов!

– Аллах Акбар! – ревели бородачи.

– Сегодня мы вырвем у этого города его поганое сердце и скормим его бродячим псам! И мы наведем порядок в древнем Халебе и сотрём из памяти весь позор, которым неверные заполонили наши священные улицы.

– Смерть неверным! – кричала толпа. – Рвать их сердца!..

– В нашем Халебе полно русских, – кричал Вахид, – я хочу, чтобы вы, братья мои, принесли мне их головы. Мы сложим их в кучу на главной площади и покажем всему миру их истинные лица!

– Аллах Акбар! Аллах Акбар! – вторили ему.

– Эти документы, – он достал из кармана и поднял над головой окровавленные фотографии и удостоверения убитых российских пилотов сбитого недавно вертолёт, – принесли мне мои люди. Они взяли их у русских собак, которые летали на вертолётах и бомбили нас с вами. Мои люди убили их и разорвали на части. Я хочу, чтобы и вы с вашими людьми принесли мне кучу таких бумаг. И тогда мы покажем всему миру, чего стоит истинный мусульманин... Аллах Акбар!

И снова рёв беснующихся мужчин вырвался из пещеры. Автоматные очереди при входе дополнили картину... Через несколько минут генерал вдруг поднял правую руку вверх и все, как по команде, замолчали.

– Молитесь, братья мои... молитесь! – потребовал он. – Аллах ждёт нас! Выступаем в назначенный час. Каждый из вас знает свою задачу... Отправляйтесь к своим людям, и пусть каждый внесет свой вклад в нашу общую победу! Аллах Акбар!...

Вахид руководил штурмом из убежища, находившегося в глубоком подвале массивного здания. К нему стекалась целая сеть подземных ходов, прорытых рабами на улицах одного из пригородных поселков на юге Алеппо. По этим узким лазам, словно муравьи бегали вооруженные «бородачи», поставляя сведения о ситуации на линии фронта. Главарь сидел на высоком мягком кресле возле дубового стола, на котором лежала подробная карта города, вся разрисованная какими-то разноцветными линиями, кружками и квадратами. Возле него стояли, сидели, и даже лежали на кушетке или на полу неподалёку в камуфляжах и «арафатках» на головах, вооруженные люди. Одни внимательно смотрели в карту, словно пытаясь разглядеть на ней какие-то детали, другие с такими же серьёзными лицами выслушивали доклады забежавших в помещение посыльных, а потом, обращаясь к приближённым Вахида, тыкали пальцем в карту. Большинство из присутствующих здесь курили кальян. Клубы дыма толстым слоем укутывали весь потолок длинного подвального помещения. Общий гул дополняли хрипящие рации, которые были у каждого вояки. Вахид тоже пытался курить кальяном, не вынимая трубки из рта. Периодически он отдавал какие-то команды, потом требовал, чтобы помощник вносил на карту какие-то изменения или выслушивал доклады и предложения своих военачальников.

– Больше огня! Больше! – орал он охрипшим голосом одному из прибежавших посыльных. – Скажи Хусаму, чтобы закидал своими минами Рамуси так, чтобы ни одна собака не пробежала. И пусть не требует от меня подкрепления... Нет у меня для него подкрепления! Русские и так бомбят, не затыкаясь. Я так понимаю, пятисотками кидают?

– Да, командир! – доложил один из приближённых. – На правом фланге наше наступление захлебнулось... Русская авиация разнесла позиции во время штурма. Били точно по нашему «правому крылу»... Потери огромные...

– Слышал? – громко обратился Вахид к посыльному. – Беги к Хусами, скажи, что я требую усилить минометный огонь... И пусть побольше шайтан-труб по фронту расставит! Жгите их всех!!! Я понятно объясняю??

– Да, командир! Уже бегу к Хусаму....

– Сулим, что происходит справа? – обратился он к помощнику. – Почему связи нет?

– Посыльных не было с начала атаки... Думаю, русские самолёты не дают нашим подняться... В небе много беспилотников, они фиксируют все наши передвижения... и атакуют...

– Атаковать должны мы, – недовольно, выдыхая дым, прервал Вахид. – Отправляй человека на правый фланг, пусть поднимает всех, кто остался, на штурм. Да примет Аллах их души!

В этот момент наверху прогремел мощный взрыв, от которого задрожал потолок, пуская рябь на зависавших клубах дыма, а со стен посыпалась штукатурка. Все на мгновение замолчали, оглядываясь по сторонам, словно выискивая, с какой стороны возможно обрушение.

– Здесь стены толстые, командир, – успокоил кто-то из собравшихся за столом, – «пятисотку» выдержат.

– А полуторатонную, что? – зло спросил Вахид. – От полуторатонной бомбы все в этом подвале ляжем?

– Возможно и такое – медленно, едва слышно, ответил он – но только в том случае, если попадут точно в цель...

– Аллах каждому отмерял его путь – брезгливо начал Вахид – если нам суждено остаться в этом подвале, так тому и быть. Но... Сначала мы прорвём кольцо на Рамуси и выйдем к нашим братьям в восточной части города. Слушайте все сюда! Приказываю все силы... Все

резервы, какие есть поднимать в бой! Все... Слышите меня? Все силы вперёд! Время пришло... Наше время пришло!

– Аллах Акбар! – закричали «бородачи» и, в едином порыве поднявшись со своих мест, начали быстро покидать помещение.

На своих местах остались лишь Вахид, его телохранитель и еще два приближенных командира. Все они тянули кальян и молча смотрели на карту....

– Мужики! – обратился Алексей к сидящим рядом журналистам. – Знаете, что произошло, когда мы пытались первый раз въехать в Алеппо?

– Что могло происходить? – негодовал молодой оператор. – Задница происходила... В которую привез наш акыд...

– Совершенно верно! – ехидно согласился Алексей. – Тарик сейчас рассказал, что в момент, когда мы подъехали к городу, боевики начали активное наступление. Говорят, десять тысяч «духов» прибыли из Идлиба и пошли на выручку своим бородатым братьям из Восточного Алеппо. В общем, пытались прорваться через юг, как раз в районе Рамуси, где мы ехали. С Востока тоже долбили, а мы оказались между ними.

– Да, парни, – включился в беседу переводчик Сомар, – сейчас по телеку передают, что большие силы боевиков штурмовали южные окраины Алеппо. Из Идлиба пришло большое подкрепление... Говорят, что, возможно, кто-то из них сбил наш вертолёт. – Сомар смотрел на экран телевизора и переводил всё, что там говорили. – Какой-то очень известный полевой командир руководил штурмом... А, вот! Короче, известный наёмник, по имени «Палач», вот как его зовут. Он привел большое подкрепление. Их главная задача, прорвать кольцо и воссоединиться с группировкой, зажатой в восточной части Алеппо... Говорят, что у них очень много сил, и они прекрасно вооружены... – О-о-о! – вдруг замолчал Сомар, внимательно слушающая диктора... – В общем, он говорит, что основное направление удара пришлось как раз на район, по которому вы ехали... Но прорваться им не удалось – русские ВКС отбили атаку...

– Наши красавцы! – воодушевился Виктор.

– Ага! – ухмыльнулся молодой, хорошо по нам не пальнули.

– Короче говоря, – продолжил Сомар, – не меньше тысячи боевиков убиты... И это только лишь те тела, которые удалось посчитать на месте боя... Но дорога перекрыта. Въехать в Алеппо или выехать из него невозможно!..

– Мы в блокаде, парни! – громко заключил Илья. – А там ничего не говорят, будет ли новый штурм?

– Сейчас, подожди, – напрягся Сомар... – В общем, город в осаде. Боевики в Восточном Алеппо тоже понесли большие потери, но дорогу Рамуси им удалось отбить у сирийской армии. Так что выбраться из города пока невозможно.

В этот момент стеклянные стены гостиничного холла задрожали от взрыва...

– Наши бьют! – со знанием дела заключил Виктор.

Через секунду еще один хлопок, поток другой, третий...

– Это «пятисотки» рвутся, – спокойно сказал Лёня, – тяжелые бомбардировщики мочат духов вокруг Алеппо. Долбят конкретно, судя по всему. И пока наши их долбят, думаю, можно спать спокойно.

– Правильно, Лёнчик! – воодушевился Илья. – Вот если они прекратят рваться, тогда нужно будет вещи собирать... Война, ничего не поделаешь....

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ

Илья проснулся от громкого хлопка. Стёкла задрожали, и раскатистый гул от далёкого взрыва ворвался в гостиничный номер, где поселились репортёр и его оператор Виктор. Одно из окон из-за жары было открыто, но сам номер зашторен ещё с вечера плотной тёмной тканью. На своей кровати, справа от открытого окна, сидел Виктор, проверял исправность видеока-

меры: готовился к предстоящим съёмкам. Сразу после взрыва он резко встал с кровати, подошел к разрыву между двумя половинами шторы, оттуда торчала рама открытого окна, и осторожно выглянул в него, пытаясь отыскать место падения бомбы. Боковым зрением он заметил, что Илья проснулся:

– Всю ночь долбят, слышал? – обратился он к репортёру.

– Да-а, – прохрипел спросонья Илья. – Если так каждую ночь долбать будут, хрен мы выспимся когда-нибудь.

– Зато живыми останемся, – раздвигая штору чуть шире, усмехнулся Виктор. – Плотно кладут, как по заказу. Работают, видимо, по окраинам Алеппо, как раз по тем местам, где мы въезжали в город. Я всю ночь не спал, подпрыгивал от каждого взрыва. В какой-то момент даже слышал гул летящих бомбардировщиков... тяжелых бомбардировщиков. Наша дальняя авиация лупила боевиков, засевших по окраинам.

– Я тоже слышал, как наши этих чертей бородатых с землёй ровняли. Кстати, ночью еще и Грады где-то на окраине работали. Тоже, наверное, боевичье гоняли.

– Грады вон там работали, – Витя ткнул пальцем в щель между шторами – я, когда услышал, посмотрел направление. Причем работали совсем недалеко от нас. Там, наверное, передовая находится. Не исключено, что бородачи на прорыв опять пошли, поэтому по ним решили Градами работать. В том же районе, кстати, и стрелковый бой слышен был: крупнокалиберные пулемёты били без умолку.

В ту же секунду ещё один мощный хлопок прервал размышления оператора. Виктор резко задернул шторы и сел на свою кровать. Через мгновение раздался еще один хлопок, за ним второй и через секундный интервал третий.

– Вот этот бяю-ю-ют! – с опаской произнёс Виктор. – Надеюсь, сегодня мы не в тот район поедem снимать...

– Да... Не хотелось бы под своими же бомбами голову сложить, – съязвил Илья.

– Это, кстати, мощные бомбы рвутся: пятисоткилограммовые, не меньше – со знанием дела заключил оператор. – И судя по всему, где-то совсем близко рвутся. Скорей всего, на самых окраинах.

– Мы въезжали в Алеппо с юга, – подошел к окну и слегка раздвинул шторы Илья, – как раз в тот момент, когда в город прорывались тысячи боевиков. Значит, наша дальняя авиация долбит именно по ним. И пусть закатают этих бесов в землю, чтоб не вылезали больше никогда.

– Хорошо бы... Да только не так это всё просто, – заключил Виктор, протирая широкоугольную линзу, – зароят этих чертей, им на смену придут другие. Сколько таких одурманенных баранов по миру шатается, не сосчитать.

Через несколько минут канонада за окном прекратилась, и в комнате воцарилась тишина.

Слава богу, все утихомирились, – думал Илья, – может, теперь поспать удастся? Витя, наверное, спать больше не планирует, а я вот вздремнул бы ещё часок другой. Но только журналист закрыл глаза, как на улице, прямо под окнами гостиницы, раздался скрежет динамиков, а чуть позже громкое покашливание и хриплое: «Алла Акбар!» Потом непродолжительная арабская речь, словно кто-то неведомый проверял исправность звуковых колонок. Опять сиплое покашливание, и, наконец, уверенное «Аллаху Акбар!». Затем снова «Аллаху Акбар!». И ещё раз, но уже гораздо громче и уверенней.

– Пять утра! Они там совсем что ли с ума спятили? Всю ночь их бомбами утюжили, а под утро они концерт закатывают?

– Пять утра, – степенно заключил Виктор, – утренний намаз... Правоверный мусульманин обязан встать с первыми лучами солнца и помолиться – закон!

В мыслях об этих несчастных и обманутых людях Илья заснул.

Дверной замок негромко щелкнул и в номер аккуратно, чтобы не разбудить, вошел Виктор.

– Не спишь? – поинтересовался он.

– Нет, уже встаю, – зевнул Илья.

– Наши уже всю завтракают. Ты пойдёшь?

– Да, Витя. Сейчас сполоснусь и подойду. Чем там местные садыки нас потчуют?

– Омлет какой-то безвкусный, сыр очень солёный, маслины горькие. Я чаю попил с вареньем абрикосовым, да в номер. Собираться буду, акыд сказал, к обеду Тарик с охраной подъедет, поедем на съёмки.

– Ну-у, наконец-то, поработаем! – резко встал с кровати Илья, быстро размялся, махнув несколько раз руками и стал отжиматься от пола.

– Зарядочку делаешь по утрам? – Виктор укладывал в рюкзак микрофон, линзу и провода для камеры. – Правильно делаешь.

– Да-а-а, – выдохнул Илья, – зарядка нам, как воздух нужна!

– Здесь, кстати, тренажёрный зал есть, я узнавал.

– Значит, сегодня вечером можно будет сходить, да, Витя?

– Я бы сходил, посмотрел, что там есть. Может и для меня тренажеры найдутся. Я ведь дома тоже спортом занимаюсь.

– Каким? – Илья закончил отжимания.

– Да так, железо тягаю немного и бегать иногда стараюсь, – улыбался Виктор, – стараюсь держать себя в форме. Раньше я усиленно тренировался, даже качался серьёзно. А сейчас годы не те, но в форме себя держу.

– Это видно, – констатировал Илья.

– Вот сколько мне лет, как ты думаешь, – вдруг спросил оператор.

– Честно говоря, трудно сказать – дипломатично начал Илья. Виктор, действительно, был в хорошей форме, и точный возраст его определить было сложно. Во всяком случае, Илье, который никогда не отличался точными прогнозами. Подкупала подчёркнутая молодцеватость Виктора, умение хорошо одеваться. Но подспудно Илья понимал, что его коллеге не может быть менее пятидесяти...

– Думаю, лет пятьдесят, не меньше, – подытожил репортёр. Хотя подмывало сказать и сорок пять, и даже сорок, но не стал Илья уж совсем льстить своему коллеге.

– Да-а-а? – начал Виктор, – А мне уже пятьдесят четыре... И всё ещё с камерой бегаю... И ни о чём не жалею. Дай Бог каждому в моём возрасте с камерой по войнам разным бегать. Надеюсь, побегать ещё лет шесть – семь, а там и на пенсию можно смело идти. Поеду в родную Белоруссию, там жить буду. Лишь бы дом достроить до пенсии... Возьму свою Надежду и буду с ней чаи попивать да истории разные вспоминать... про жизнь нашу журналистскую....

– Да ладно, Витя, что ты про пенсию начал? – усмехнулся Илья.

– Не скажи... Про пенсию в любом возрасте думать нужно... Тем более в моём, пред пенсионном, – усмехнулся оператор.

– Ладно, пенсионер... пойду я мыться и завтракать... Мы с тобой потом и про пенсию, и про дом, и про речку с карасями поговорим, – Илья закрылся в ванной...

На завтраке сидели практически все коллеги-журналисты. Длинный, с белой скатертью, стол был накрыт в лобби-баре гостиницы, где кроме российских репортёров в это утро никто больше не завтракал. Напротив каждого гостя стояла большая неглубокая тарелка, в которую пожилой официант неспешно укладывал со своей тележки порцию омлета. Он что-то говорил на своём родном языке, но так как переводчик Сомар ещё не подошел, никто из репортёров ничего не понял из длинного рекламного монолога пожилого официанта. Впрочем, все понимали, что мужчина расхваливает принесённую еду, и даже пытается объяснить русским, что это и с чем это едят. Официант махал руками и строил весёлые рожицы, силясь донести до всех присутствующих состав блюда. Стол был уставлен тарелками с крупно порезанными помидорами и огурцами, сырами нескольких видов, чёрные маслины подавались отдельно от зелёных.

Несколько высоких стеклянных графинов с обычной водой и кусками льда в ней официанты принесли заранее, очевидно, понимая, что большое количество жидкости понадобится гостям, чтобы удовлетворить жажду после поедания невероятно солёного сыра.

– Садык! – громко обратился Алексей к официанту. – Чай будет?.. Чай? Ти, ти, – перешёл он на английский, показывая на стоящую рядом кружку.

– Кофи? – учтиво поинтересовался старый официант.

– Ес, ес, кофи! – согласился репортёр. – И чай ещё принеси, понимаешь меня? Ти-и-и...

– И мне тоже чай принеси, пожалуйста, – обратился Леонид. – Ноу кофе.... Чай, пожалуйста!

– Окей! – вдруг озарился официант. – Вахит, нейн, арба? – начал вопросительно лепетать он.

– Парни! – обратился Клим. – Он спрашивает, сколько чая принести?.. И кто из вас будет кофе?

Теперь понятно, – загалдели журналисты, наперебой объясняя, кто, что будет пить...

– И мне чай, пожалуйста! – вклинился подошедший Илья, усаживаясь на свободное место. – Витя сказал, сыр у них очень солёный?

– Да-а-а, сыр – «вырви глаз»! – согласился Леонид.

– Значит, будем давиться солью, – Илья положил в свою тарелку небольшой кусочек светлой массы, добавил много помидоров и огурцов и налил полный бокал холодной воды. – А где омлет?

Официант в ту же секунду поставил перед ним тарелку с оранжевой едой.

– Омлет? – ткнул пальцем Илья.

– Окей, окей! – закивал головой улыбающийся официант.

– Какой-то он безвкусный, – подытожил репортёр. – А простую яичницу они могут приготовить? Кто-нибудь ему объяснял, как нужно готовить?

– Мы ему уже час талдычим, что такое глазунья, но не понимает, – смеялся Лёня. – Сомара надо ждать, может он объяснит, что к чему...

– Парни, смотрите, какое солнечное утро! – Алексей взял кружку с кофе и вышел на веранду. С неё открывался прекрасный вид на историческую часть Алеппо – район старого города. Впереди, как на ладони, лежали древние кварталы с их узкими витиеватыми улочками и невысокими каменными домами, большинство из которых стали закопченными и полуразвалившимися. Это была восточная часть города – районы, в которых уже несколько лет хозяйничали террористы Джабхат Ан-Нусры. Их позиции были видны невооруженным взглядом: в каких-то восьмистах метрах от гостиницы черной полосой разрушенных зданий тянулась граница между мирным западом и бесконечно воюющим востоком Алеппо.

– Нусра? – поинтересовался Илья у официанта, показывая рукой в сторону полуразрушенного города.

– Нусра, нусра! – скорчил он гневную гримасу на лице. – Бах! Бах! – официант развел руками, имитируя взрыв, а потом присвистнул, проведя рукой по шее, демонстрируя характерный жест...

– Головы режут? – изумился Илья.

– Нусра, фу... Нусра – ноу пипл! – объяснял официант...

Километрах в десяти, посреди развалин, сразу за пятью минаретами светлой мечети, которая располагалась на территории подконтрольной правительственным войскам, высилась гора, увенчанная высокими стенами и башнями старой цитадели. Древнейший памятник архитектуры и визитную карточку Алеппо со всех сторон окружали развалины домов, в которых прятались боевики. Несколько лет они пытались завладеть цитаделью, но всякий раз их атаки подавлял небольшой гарнизон сирийских солдат, укрывшийся за древними стенами.

– Вон она – Цитадель! – Алексей отодвинул штору. Коллеги все одновременно поднялись со своих мест и быстро подошли к занавешенным окнам веранды.

– Вы давайте там аккуратней! – скомандовал полковник, макая лепёшку в пиалу с абрикосовым вареньем. – Сейчас как шамальнут бородачи, отвечай потом за вас.

– Да, парни, шторы особо не открывайте, а то и правда, прилетит какой-нибудь баллон в нас, – насторожился Алексей.

– Вообще, лучше к окнам не подходить! – переживал молодой оператор.

– А мы в Цитадель пойдём, товарищ полковник? – поинтересовался Илья.

– Да, прямо сейчас! Только с духами договарюсь, – съязвил полковник.

– А разве духи уже в цитадели? – спросил Клим.

– Нет, там гарнизон сирийских военных сидит, – со знанием дела констатировал Алексей, – а боевики вокруг цитадели. Я, правда, слышал, что какими-то тайными тропами туда всё-таки попасть можно. Это нужно у Тарика выяснить.

– Прорваться бы туда, вот было бы дело, – воодушевился Илья.

– Я вам прорвусь! – отрезал военный. – Без моего разрешения никто и никуда не пойдёт. Я у Тарика, конечно, поинтересуюсь, но, думаю, вряд ли нас туда кто-нибудь поведёт.

– Но попробовать надо, – заключили журналисты, возвращаясь на свои места.

– Это мы потом обсудим, надо или не надо, – нахмурился полковник, – пока будем решать сегодняшнюю задачу. А сегодня мы едем на очень интересную тему...

– Надеюсь, на передовую? – перебил Илья.

– Конечно, на передок. Но не торопи события... В общем, сейчас доедаем свои омлеты, идём за «бронёй» и камерами, потом ждем Тарика. Сегодня едем на Рамуси, в тот район, где вчера пытались прорваться в город. Там ожидается выход боевиков. Снимать будем их. Поэтому слушайте все меня очень внимательно! – полковник встал из-за стола, чтобы все его видели, – на месте действуем очень быстро! Приехали, оперативно выгрузились из автобуса и очень быстро начали снимать. Запомните: промедление смерти подобно! Не дай Бог, нас «бородатые» засекут, сразу начнут минами забрасывать. Так что на все съёмки у нас не больше пятнадцать...ну, от силы...двадцати минут.

– Нам ещё стендапы писать надо, – попытался возразить оператор Вадим.

– Вот и будете очень быстро писать свои стендапы.... Очень быстро! Это понятно? – полковник внимательно посмотрел на журналистов.

– Это понятно, – согласились они.

– По первой же моей команде все забегают в автобус, и мы срываемся с места. И чтобы никаких вопросов там не задавали, – подытожил офицер. – Всё ясно?

– Ясно.... Теперь можно по номерам за вещами?

– Да! Все одеваются в «броню», и спускаемся в холл. Сбор через полчаса...

В лобби вошёл перепуганный переводчик Сомар, увидел компанию журналистов и быстро направился к ним.

– Товарищ полковник, – начал он, – Тарик только что звонил. Сказал, что они уже выезжают, скоро будут здесь. Просил, чтобы мы все собрались и ждали его. Иначе можем не успеть на выход боевиков. Кажется, они уже начали сдаваться... Причем выходят с оружием...

– Так! Все по местам! Собираемся в холле! – командовал полковник удалявшимся репортёрам.

– Муртаза! – обратился к наводчику его командир. – Сегодня мы уничтожим ради Аллаха это гнездо неверных! – он передал подчиненному свой бинокль и показал рукой в сторону возвышающейся над городскими постройками высотку. В этом здании находилась резиденция губернатора Алеппо. В простонародье, двадцати пятиэтажную высотку так и называли: «Башня

губернатора». Сейчас здание стояла в непосредственной близости от позиций боевиков, которые укрывались в восточной части города.

– Аллаху Акбар! – приветствовал такое решение наводчик. – Я разнесу эту башню вместе со всеми, кто там находится, клянусь Аллахом!

– Не спеши, брат! – охладил его пыл командир – Пока не нужно ровнять башню с землёй... Но это пока...

– А что нужно?..

– Твоя задача на сегодня – нанести позиционный удар. Понимаешь меня?

– Конечно понимаю, командир... Но не совсем...

– Это хорошо, – он взял у наводчика свой бинокль и опять стал рассматривать высотку. – Губернатор сейчас там... Но он в подземном бункере. Достать мы его не сможем... А нам это и не нужно, – тянул каждое слово он. – А вот на крыше у этих собак оборудован наблюдательный пункт: вон, они шарахаются от одной пушки к другой. Их-то мы сейчас и накроем. Он решительно положил бинокль на бетонный выступ полуразрушенного дома и громко скомандовал: «На позицию, Муртаза! Аллах ждёт от нас победы!». Они поднялись по разбитой лестнице на крышу трехэтажного особняка. Здесь уже сустились несколько таких же бородачей, один из которых держал в руках небольшую видеокамеру.

– Ты готов к съёмкам? – поинтересовался у него подошедший командир.

– Я всегда готов! – отчеканил тот и нажал на запись.

Муртаза подошел к выставленному на изготровку американскому противотанковому ракетному комплексу, приложился к прицелу и стал наводить на крышу высотного здания. – Куда бить, босс?

– По крыше нужно бить, – быстро командовал он, – видишь, там люди ходят? Вот по ним и нужно попасть. И давай быстрее, пока нас авиация не накрыла. Надеюсь, эти шайтаны нас еще не срисовали.

– Командир! – обратился один из боевиков с биноклем – я вижу каких-то людей в бронежилетах и касках... На них написано: «PRESS».

– Там что, еще и журналисты бегают? – командир выхватил у подчинённого бинокль и стал всматриваться... – Не вижу никаких «PRESS». – А-а-а... Вот они, суки!.. Сколько до башни, Муртаза?

– Почти два километра, командир!

– Ты должен накрыть этих бешеных псов! Завали их всех, чтобы ни один журналюга не ушёл! Понял меня?

– Да командир, сейчас сделаю! – он нажал на спусковой механизм и закричал: «Аллаху Акбар!»

Его призывный клич подхватили все стоявшие на крыше, и из трубы противотанкового комплекса вырвались языки пламени – в сторону губернаторской башни полетел реактивный снаряд. Бородатый оператор тщательно фиксировал происходящее на крыше и отдаляющийся от установки снаряд. Через несколько секунд он врезался в верхушку здания, разметаив огненное пламя на несколько метров и подняв в воздух чёрные клубы дыма.

– Аллаху Акбар! Аллаху Акбар! – ещё громче кричали боевики, обрадованные удачным попаданием. Истерия продолжалась чуть больше минуты. Всё это время оператор снимал счастливые лица бородачей, фокусируясь время от времени на «подбитой» башне.

– Выключай камеру! Выключай! – вдруг закричал командир. – Сворачиваемся быстро и уходим, пока шайтаны нас не накрыли. Он уверенно подошел к оператору, взял у него видеокамеру и направился к выходу:

– Уходим быстро в подвал!

Бородачи судорожно собрали установку, после чего неуклюже стали спускать ее вниз...

Командир уже сбежал на два этажа вниз по разрушенной лестнице, как услышал гул приближающегося самолёта, и в тоже мгновение прогремел мощный взрыв. Ещё один этаж вниз он скатился кубарем, сбитый с ног взрывной волной. Чёрный дым вперемешку с песком и пылью накрыл его с головой, однако боевик остался в сознании и слышал, как рушились бетонные перекрытия на верхних этажах здания, как скрежетала железная арматура и грохотали на лестнице отколовшиеся куски стен. Едкий дым не давал дышать, и чтобы сделать неглубокий вдох, командир вжал голову в грудь и сквозь разгрузку ртом втянул немного воздуха, задержал дыхание. Затем быстро перевернулся на полу через спину и прижался лицом к стене. Ещё один неглубокий вдох... Он снова услышал рёв самолётного двигателя, где-то там наверху, и снова мощный взрыв неподалёку. Пол, на котором он лежал, содрогнулся, но новой порции едкого дыма не последовало.

– Совсем рядом положили, – слегка подняв голову и оглядываясь по сторонам, пробурчал командир. – Эй! – крикнул он. – Живые есть?.. Но никто не отозвался. – Муртаза! – ещё громче обратился командир. – Если жив, бегом вниз, валить пора!.. Подождав несколько секунд, он медленно поднялся, ещё раз огляделся, прислушался и рванул с места...

В пещере под Хандаратом, которую боевики Джабхат Ан-Нусра превратили в свой основной штаб для координации действий в районе Алеппо, в самой отдаленной и безопасной её части, в своём шатре Вахид потягивал кальян. Он ждал доклада о проделанной работе от своего подчинённого. Тот сильно опаздывал, и суровый командир заметно нервничал. Своим огромным тесаком он время от времени делал глубокие зарубки по краю большого деревянного стола, стоявшего возле его дивана, укрытого шкурами.

– Сделайте мне здесь телевизор! – громко требовал он от суетившихся возле большой плазмы подчиненных. – Я должен получать информацию не только от вас, но и от своего врага! Я хочу видеть результат своего труда с экрана этого ящика.

– Сейчас всё сделаем, шеф! – полушепотом успокаивал один из наладчиков. – Генератор уже работает, сейчас антенну настроим, и ты будешь видеть весь мир, командир!

– Вот именно! – веселился Вахид. – Я буду видеть, а меня никто не будет видеть. Но каждый шайтан будет знать, и бояться меня и моих верных братьев!

В шатёр буквально вскочил телохранитель Вахида и громко доложил:

– Он вернулся, босс!

– Давай его сюда, срочно! – Вахид бросил на стол трубку от кальяна, положил свой нож перед собой и выпрямился на диване.

Ещё секунд двадцать ожидания, и в шатёр вошел весь чёрный от копоти командир истребительной группы.

– Оставьте нас! – скомандовал Вахид копошащимся возле телевизора подчинённым. Те в мгновение ока выскользнули из шатра через потаённый ход.

– Аллах Акбар! – громко приветствовал Вахида вошедший. – Палач, мы разнесли наблюдательный пункт шайтанов! Мы положили снаряд точно в гнездышко. Я принёс видео и ещё очень интересную информацию...

– Хорошая новость, брат мой! – заёрзал на диване Вахид, рукой указывая гостю на соседнее ложе. – И что же там у тебя за информация... интересная? Неужели губернатора завалили?

– Нет, босс, губернатор, скорей всего, жив. Не думаю, что этот жирный свин вообще когда-нибудь поднимался на крышу собственной башни. Не те формы... У меня есть сведения поинтересней.

– Говори уже, что ты всё цену набиваешь, – съязвил Вахид – вижу, что досталось тебе. Под обстрел попал что ли?

– Да, Палач! Самолёты накрыли нас сразу после работы. Я единственный уцелел.... Муртазу и двоих помощников забрал Аллах... Хорошо, камеру успел забрать... Вот, посмотри нашу работу, – он включил видео.

– О-о-о, какие красавцы! – смаковал Вахид... Ой, ой, ой! Ой, молодцы! Славная работа... А попали-то как точно... Хорошая работа! Ты давай это видео прямо сейчас в интернет выкладывай, пусть весь мир видит, как мы умеем с неверными бороться.

– Понял, босс!.. Но самое интересное в кадр не попало. Оператор не смог настроить камеру, поэтому скажу так... Я через бинокль лично видел на этой башне журналистов...

– Как ты это понял, у них что, опознавательные знаки были?

– Да, босс! Я видел, по крайней мере, одного человека в синем бронежилете и каске. На них надпись «PRESS»... Английским буквами.

– Да-а... Интересно, – Вахид запустил видео сначала, – я надеюсь, вы попали в этих ПРЕСС?

– Мы разрядили ТОУ как раз в тот момент, когда журналюги были на крыше. Муртаза выстрелил именно в тот момент, когда один в бронежилете был на крыше здания. Думаю, его накрыло взрывом. По крайней мере, по этому видео понятно, что снаряд пришелся точно в цель.

– Да, видео хорошее, – согласился Вахид. – Интересно, чьи это были журналюги? Хорошо бы – русские. Но этих трусливых псов вряд ли привезли в Алеппо. Я знаю, что в Латакии сидит целая группа русских телевизионщиков.

– Да, босс! Мои агенты докладывали, что русские репортёры живут большой группой в одной из гостиниц города. Мы за ними внимательно следим, и если понадобится, возьмём этих телепузиков, как цыпят беспомощных – тёпленькими, так сказать.

– Это хорошо, что мы следим за ними и, надеюсь, видим каждый их шаг.

– Именно так, Палач!

– Но сейчас главный вопрос, что за журналисты были в «башне губернатора»? Кого именно вы уничтожили... Вахид отложил видеокамеру и громко щёлкнул пальцами. В комнату зашел помощник:

– Срочно зови сюда настройщиков телевизора, пусть устанавливают мне сигнал. Нужно смотреть всё местное ТВ. Разбитую башню, наверняка, уже во всех новостях показывают. И если вы грохнули парочку журналюг, об этом сейчас начнут трубить по всему миру. Тогда и повеселимся... В общем, давай, брат, срочно отправляй это видео в интернет, и будем ждать новостей от мировых агентств... Действительно, очень интересно узнать, чьих журналюг вам удалось зацепить... Вахид задумался на несколько секунд, а потом быстро скомандовал, – иди мойся, загружай видео и ступай к своим людям! Теперь в твоём подчинение будут все спец-группы... будешь отвечать и планировать все операции в этом районе...

– Аллах Акбар! – гость быстро вышел из шатра.

Несколько помощников продолжили возиться с телевизором, пытаясь поймать необходимый сигнал, а Вахид взял со стола трубку кальяна, и глубоко затянулся.

– Мне срочно нужен телевизор! – выдыхая клубы дыма, потребовал он. – Мне нужны новости из этого города. Я хочу видеть результаты своего труда!

– Сейчас всё сделаем, шеф! – виновато рапортовал главный настройщик. – Ещё минут пять, и мы запустим эту шарманку.

– И пригласите ко мне генерала... Хочу вместе с ним видеть по телеку горящую «башню губернатора».

– Мархаба! – приветствовали на сирийском набриолиненного Тарика российские журналисты. В ответ тот показательно улыбался и как-то неуверенно жал руку каждому. Из лифта вышел полковник, в бронежилете, каске и с автоматом наперевес, быстро подошел к прессе.

– Так! Все на месте? – нервничал он.

– Пора ехать, товарищ полковник! – торопил переводчик. – Автобус уже у входа, Мухабарат сопровождения там же.

– Все в автобус! – громко скомандовал полковник, и быстро проследовал к выходу из отеля. Репортеры, суетясь, натягивали бронежилеты и поочередно шли следом. Илья, поддавшись общей суматохе, энергично протиснул голову в отверстие между листов брони своей защиты, опустил ее на плечи, нащупал рукой свисавшие по обеим сторонам ремни застёжек и щелкнул затворами креплений. Два раза подпрыгнул, проверяя надёжность сцепки, а потом несколько раз довольно сильно ударил кулаком правой руки себя в грудь: «Броня крепка и танки наши быстры!» После этих слов он схватил с кофейного столика каску и уверенно пошёл за остальными коллегами. Едва выйдя на улицу, Илья замедлил шаг: «Вот это сауна! Сколько интересно сейчас градусов?»

– Не меньше «полтосика», – подхватил Лёня.

– Пятьдесят шесть, если быть совсем точным, – подытожил Алексей, – Сомар сейчас новости смотрел, перевёл...

Илья медленно подошел к микроавтобусу, в который уже рассаживались российские журналисты:

– Я уже весь потный, а мы ещё с места не тронулись.

– Вот и попаримся сейчас...на Рамуси, – съязвил Виктор. Он протискивался на своё место между рассевшихся коллег, аккуратно прижимая к бронежилету здоровую видеокамеру.

– Да, Витя, – сочувствовал ему оператор, Вадик, – с бетакамом это ты сильно задвинул.

– Ничего, Вадик, я справлюсь! В нашем деле главное – картинка. И она у меня будет на загляденье. Люблю, когда красиво. И ради этого готов потерпеть, и, как говорится, стойко переносить все тяготы... Как там дальше в армии говорят, товарищ полковник?

– Тяготы и лишения воинской службы, – недовольно пробурчал офицер.

– Ну что ж? – Илья занял своё привычное место на пассажирском сиденье справа от водителя. – Я так понимаю, рассаживаемся согласно купленным билетам, господа журналисты?.. Тогда и любые тяготы с лишениями по барабану... Вперед и с песней, что ли!?

– Все расселись? – акыд сунул голову в открытую дверь микроавтобуса, разглядывая рассевшихся репортёров.

– Да, можем трогать! – дерзил молодой оператор.

– Командую здесь я! – одёрнул его офицер – А вы внимательно слушаете меня и выполняете все мои приказы. Надеюсь, все помнят, как нужно действовать на съёмках?

– Мы, товарищ полковник, помним. Это только с виду мы такие раздолбаи, не понимающие, что такое дисциплины, – ёрничал Алексей, – а так мы ответственные... и даже исполнительные.

– Ага, смышлёные мы, товарищ полковник, – добавил Илья.

– Всё! Прекращаем зубы скалить, поехали! – скомандовал акыд и поспешил во внедорожник сопровождения, в котором уже сидел Тарик со своими и подчинёнными.

– О, как засеменил, – обратил внимание Виктор, – акыд, в этом своем песочном камуфляже и каской на голове похож на скачущий гриб.

– Точно! – согласился Алексей – Этакий старичок-луговичок на кривых ножках. Бежит по полю, шляпка из стороны в сторону болтается... Бронежилет не сходится – тут уже смеялись все...

Внедорожник сопровождения резко тронулся с места, и вслед за ним устремился и микроавтобус, но преодолев несколько метров, обе машины остановились перед КПП гостиничного комплекса. Охрана медленно опустила заградительные «ежи» – обязательный элемент безопасности на случай террористической атаки, и автомобили выкатились на одну из городских улиц. Людей здесь было совсем мало, это один из спокойных спальных районов. В это время местные предпочитали отсиживаться по домам – жара. Немного пропетляв по узким улочкам, постоянно скрипя тормозами от резких остановок, а потом не менее резких ускорений, журналистский эскорт выехал на широкую трассу, ведущую на юг. Водитель микроавто-

буса всю дорогу возмущался столь залихватской манерой вождения водителя впереди идущего внедорожника. Несложно было догадаться, что набитый под завязку пассажирами микроавтобус никак не поспевал за Крузаком, пусть и стареньким, но всё же оборотистым. Это обстоятельство, вероятно, очень расстраивало водителя, который уже громко вслух отпускал в сторону удалявшегося внедорожника одно ругательство за другим.

– Вот горе-вояки! – возмущался Алексей, свободно говоривший на английском, немецком, и даже на иврите. – Нихрена не понимают, но, блин, выпендриваются друг перед другом, как павлины. Илюха! Попробуй объяснить ему, чтобы он Тарику позвонил.

– Уже объясняю, – поднеся свой телефон к уху и тыча пальцем другой руки то в водителя, то в телефон, оправдывался Илья. – Тарик, кол... Понимаешь, чучело? Позвони Тарику, чудака...

– Ноу телефон, – мычал в ответ водитель.

– Поздравляю нас, парни! – радовался Илья. – У него нет номера Тарика.

– Давайте звонить акыду, – предложил Виктор, – этот-то военный должен хоть что-то понимать. Вообще-то он за нашу безопасность отвечает.

– Я хренею, дорогая редакция! – негодовал Клим. – Весь российский пул забыли посреди улицы в окруженном боевиками городе... Сюр какой-то...

– А что, хорошие бабки, – веселился Алексей, – сейчас подъедет группа товарищей в чёрных накидах, и привет... Смотрите всех нас в одних новостях...

– И всё-таки, есть у кого-нибудь телефон полковника? – взывал всех присутствующих к здравому смыслу Виктор.

– Да нет у нас ни у кого телефона нашего акыда, – заключил Вадим. Он же только сегодня утром местную симку взял... И, естественно, никому свой номер не сказал, – военная тайна...

– Приплыли! – усмехнулся Илья. – Ну, что, поехали обратно в гостиницу. Других вариантов лично я не вижу. Может, до акыда дойдет, что кого-то не хватает, и он всё-таки додумается вернуться за нами... В гостишку.

– Да, парни, поехали в гостишку, – громче всех кричал молодой оператор. – Пусть побежит, поищет нас. А то усвистал хрен знает куда...

– Яла, яла, – показывая рукой вперед, командовал водителю Илья, – яла в гостиницу, дорогой! Поехали домой, там разберёмся. Водитель минивэна оказался на редкость сообразительным парнем, быстро завел двигатель и резко сорвался с места. Он еще раз проехал по кругу, видимо, для окончательной очистки совести, после чего лёг на обратный курс. Через несколько минут коллеги-репортеры расположились в холле своей гостиницы, побросав бронежилеты и каски на свободных диванах...

– Какого хрена вы здесь расселись? – орал вбежавший в гостиничный холл полковник.

– Вы, товарищ полковник, сначала успокойтесь, – невозмутимо перебил его яркую речь, Виктор. – Кто Вам дал право кричать на нас?

Акыд вдруг замолчал, на лице его читалось явное изумление, и он как-то неловко, словно смущаясь, снял наконец свою съехавшую каску.

– Даже если так случилось, что мы оказались у вас в подчинении, – продолжил Виктор – это не даёт вам право оскорблять людей. В конце концов перед вами далеко не мальчики, а люди с определённым жизненным опытом, знаниями и понятиями. Есть даже те, что старше вас, товарищ полковник. Мне, например, пятьдесят четыре года, и я полжизни на севере отпахал, буровиком. Вот вам сколько лет?

– Это не важно, – медленно, явно смущаясь, выдавил полковник.

– В данной ситуации, товарищ полковник, всё имеет значение. Потому что эта ситуация произошла не по нашей вине, а непосредственно из-за вашей невнимательности и спешки. Вы же бросили нас и укатали в неизвестном направлении... И что нам оставалось делать?

– Мы приняли единственно верное решение в данной ситуации, – вмешался Илья.

– Конечно! Связи с вами нет, – подхватил Алексей – водитель вообще ничего не знает...

– Переводчика тоже нет, – крикнул с заднего дивана Лёня.

– Можно было позвонить, – полковник нахмурил брови.

– Куда? В колокол? – не выдержал Вадим. – С колоколами здесь тоже проблема...

– Действительно. Вы же не оставили нам ни номер своего телефона, ни переводчика и, судя по всему, даже водителя никто не предупредил, куда ехать, – загибая пальцы перечислял Виктор. – А Тарик «втопил» так, что наш бедолага-шофёр упустил его на первом же повороте.

– И вы, товарищ полковник, даже не задумались, что вся пресса где-то там болтается позади на раздолбанном тарантасе, – резюмировал Клим.

– Ладно, ладно, – оправдывался полковник, – чего набросились на меня? Тарик сказал, что водила всё знает и догоняет нас.

– Это было сразу заметно, – ёрничал Адексей, – мы как из гостиницы выехали, сразу вперёд вырвались. Машина сопровождения едва наш перегруженный мини-вэн догнала. Поэтому мы в гостишку вернулись...

– А если бы нас в плен взяли какие-нибудь моджахеды? – кричал и размахивал руками молодой оператор. – А потом, перед камерами бошки наши резали...

– Всё, хватит ерунду тут городить! – потребовал акыд. – Выводы сделали, впредь такого не допустим. Сейчас садимся в автобус и едем на Рамуси, надеюсь, что-то успеем поснимать. Только давайте быстрее, прошу вас...

– Так бы сразу, – шептались между собой журналисты, надевая бронежилеты и усаживаясь в микроавтобус. На этот раз полковник поехал вместе с прессой, а его место в машине сопровождения занял молодой оператор.

Минут через двадцать пять пути по петляющей трассе Рамуси, и обе машины остановились возле домов одного из многочисленных поселений, расположенных в окрестностях Алеппо. Здесь дорога делала сразу два резких поворота, влево, потом вправо, образуя подобие английской буквы «Z». Слева высоченные, в два человеческих роста, брустверы из земли и камня, увенчанные железными бочками, насквозь пробитыми многочисленными пулями и осколками, наглядно предупреждали о смертельной опасности этого места. Совсем рядом с насыпью плохонькие домишки местных жителей и узкая улочка, ускользавшая куда-то вдаль от ровно асфальтированной основной трассы. Здесь, между домами, сустились десятки вооруженных военных, женщины, старики и дети. Мужчины в тёмных одеяниях, как на убитом в районе блокпоста неподалёку. Несколько российских офицеров из центра по примирению враждующих сторон тоже были здесь. Они предусмотрительно укрылись за стенами крестьянских хибар. Руководитель этой группы, тоже полковник, махнул рукой, приглашая ответственного за журналистов офицера подойти к ним. Акыд резким движением распахнул дверь микроавтобуса и, надевая на ходу каску, выскочил из салона.

– Работаем быстро и помним о безопасности! – прокричал он и направился к группе российских военных.

Репортёры, словно горох, в разные стороны высыпали из машины.

– Куда вас чёрт несёт? – закричал один из офицеров. – Идите все сюда, за стену. Не дай Бог «духи» засекут движение и начнут обстрел. Мы и так здесь уже час маячим, как бельмо на глазу. Бабы эти еще орут...

Все журналисты послушно подошли к строению.

– Что мы снимаем? Где боевики? А стендап записать уже можно? – посыпались вопросы.

– Пока никто ничего не снимает! – командовал акыд. – Сейчас я выясню, что здесь вообще происходит и начнём работать.

– Так, друзья мои! – обратился к репортёрам старший офицер из группы примирения. – Буквально двадцать минут назад в этом районе сдались девять боевиков. Они вышли с оружием

оттуда, – офицер указал на узкую улочку между домами, – сирийские военные их разоружили, немного побеседовали и отправили в город. Вы со своими съёмками немного опоздали.

– Как же так? – возмущались журналисты. – Получается, зря ехали? Что нам теперь делать? Нам обязательно нужно поснимать этих боевиков.

– Ребята! – развел руками офицер. – Мы вас ждали до последнего...

– У нас там проблема возникла, – вмешался акыд... А снимать нужно, во что бы то ни стало...

– Я понимаю, но здесь уже нет боевиков. Снимайте людей, дома... Брустверы, вон, снимайте...

– Какие брустверы? – голосили репортёры.

– Так, тихо! – насторожился офицер центра примирения. – Мне тут сообщение пришло... Сейчас, – он отошел от журналистов в сторону своих коллег. Минуты три – четыре офицеры тихо совещались, при этом старший из них смотрел то в свой мобильный, то слушал рацию, которую передавал ему в руки кто-то из подчинённых... После чего полковник вновь подошёл к группе репортёров:

– Для вас прекрасные новости! Сирийцы говорят, что на подходе еще несколько боевиков, готовых сдаться. Выходят тоже здесь, и будут с минуту на минуту... Ждём их?

– Конечно же! – приободрились журналисты.

– Понял, понял, – успокоил их офицер. – Только давайте сейчас все подойдём к зданию и встанем возле стены, чтобы не привлекать внимание. Я понимаю, что вся округа уже знает о вашем появлении, но лучше лишний раз не испытывать судьбу. Надеюсь, боевики не начнут обстреливать этот район в ближайшее время.... В общем, ждем....

– А вот и «духи»! – громко произнёс Илья, выглядывая из-за угла здания. – Идут себе не спеша, суки...

Коллеги-репортёры быстро повставали со своих мест и кучей ринулись в сторону узкой улочки между домами.

– Илья, включай микрофон, – крикнул Виктор, настраивая на ходу свою большую видеокамеру.

– Уже включил! – Илья молниеносно надел каску. – Пиши всё, начинаем работать! – командовал он.

Коллеги тоже настроились на работу: все встали в ряд между домами.

– Вадим, ты пишешь? – командовал Клим своему оператору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.